ИСТОРИЧЕСКИЕ Сенсации

ВЛАДИМИР ЕГОРОВ

КАГАНЫ РОДА РУССКОГО

ИЛИ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ

Владимир Борисович Егоров

Каганы рода русского, или Подлинная история киевских князей

Серия «Исторические сенсации»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011760
Владимир Егоров. Каганы рода русского, или Подлинная история киевских князей: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0171-1

Аннотация

Эта книга — о всеобъемлющей фальсификации русской истории, о веками копившихся стыдливых умолчаниях, жульнических передергиваниях и бессовестной лжи нашей так называемой Первоначальной летописи – Повести временных лет. В течении веков официальные историки занимались восхвалением правящих династий, церкви, партии и почти никого из них не интересовала подлинная история Отечества, история, которую уже практически невозможно узнать во всей ее полноте. Но те осколки истины, которые еще сохранились, позволили автору этой книги реконструировать историческую действительность первых веков существования Киевской Руси и ее вождей – князей и полководцев, каганов рода русского.

Содержание

От автора	4
О «слухах» и «сплетнях»	5
Ветряные мельницы антинорманизма	10
Гарды Восточного пути	14
Рюриковичи мы?	18
«Закон и благодать» каганской генеалогии	22
Ольг Олег	28
Смутный абрис династа	35
Три мести Святослава	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Егоров
Каганы рода русского, или Подлинная история киевских князей

О кнезех русских старобытных
Нестор монах не добре сведем бе.

В. Татищев

От автора

Эта книга – о нашей древней истории. В советское время в школе нас учили, что историю творит народ, и старательно вбивали в наши головы тезис о малозначимости отдельных личностей в истории. Включая всяких там императоров и полководцев. Этот тезис можно было наглядно проиллюстрировать на примере собственных руководителей страны, действительно малозначимых личностей вроде Л. Брежнева или К. Черненко. Почему-то не иллюстрировали. В то же время на уроках истории в других странах говорили как раз о великих полководцах и правителях империй, деяния которых изменяли современный им мир, может быть не всегда в лучшую сторону, но те изменения так или иначе отразились на мире сегодняшнем и поэтому стали предметом изучения в школе вместе с их инициаторами. В этом есть резон: наш мир был бы иным, если бы в нем не было Александра Македонского, Наполеона Бонапарта или Джорджа Вашингтона.

Эта книга – о верховных правителях начальной Руси, императорах и полководцах. Не будь их, мы бы жили в какой-то другой стране. Их обделила вниманием марксистско-ленинская историческая наука, отдавшая творение истории на откуп народным массам. Но тех же правителей начальной и древней Руси дореволюционная историография, начиная с самых первых наших летописей, неоправданно и чрезмерно превознесла и приукрасила, поскольку свой народ ни в грош не ставила, а главное, была озабочена не столько исторической правдой, сколько возвеличиванием правивших династий, с первых князей Киевской Руси до последних императоров России, и прославлением Русской православной церкви.

Наконец, это книга – о неправде, о вольной и невольной, но всеобъемлющей фальсификации начал русской истории, о веками копившихся стыдливых умолчаниях, жульнических передергиваниях и бессовестной лжи нашей так называемой Первоначальной летописи. Конечно, лучше было бы написать книгу об исторической правде древней Руси. Хотелось бы, ох, как хотелось бы, чтобы такая книга была написана! К сожалению, ждать этого не приходится. Той правды никто не знает и, скорее всего, уже никогда не узнает. Однако все равно это не повод выдавать сказки, мифы и откровенное вранье за историческую действительность. Мы привыкли гордиться нашим прошлым, нашей славной историей. В целом по праву. Но пристало ли гордиться чем-то выдуманным, тем более выдуманным нами же сами?!

Сказки – вещь замечательная. Их можно рассказывать и пересказывать. Их нужно читать, особенно вслух – маленьким детям. Но детям постарше на школьных уроках истории все-таки следует не рассказывать сказки, а преподавать предмет – настоящую отечественную историю, временами воистину великую и героическую, каковой у нас и впрямь предостаточно, а временами, увы, и куда как неприглядную, раз уж такой она была на самом деле.

Ибо, как назидали древние мудрецы, **правда – превыше всего**.

О «слухах» и «сплетнях»

Слова я слушаю твои,
но ничего они не значат.

«Ты говоришь мне о любви»,
слова Л. Дербенева, И. Шаферана.
Песня из к/ф «Три дня в Москве»

Практически все, что написано в учебниках истории о начальном периоде древней Руси и что мы, соответственно, изучали как нашу историю, перекочевало в них из «Повести временных лет» (далее в тексте используется общепринятая аббревиатура ПВЛ), которая почему-то считается летописью. Во всех энциклопедиях, включая самую актуальную и демократичную – Википедию, – ПВЛ представлена как «наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII века». Часто ПВЛ даже называют Первоначальной летописью. Словно никого не смущает слово «повесть» в ее заглавии. Между тем, в русском языке времени написания ПВЛ уже существовало слово «летопись» как калька с греческого *хронограф*, но тем не менее ее авторы назвали свое произведение повестью, прямо указывая на его беллетристический характер.

В те времена, когда писалась ПВЛ, Русь еще не знала литературных жанров романа и тем более фантастики, и все, имевшее к ним отношение, именовалось повестями, так как само слово «повесть» тогда означало «предание», «слухи» и даже «сплетни». Тем не менее, отечественная историография намертво закрепила за ПВЛ, то есть преданиями, слухами и сплетнями, статус летописи, в котором та уже пребывает почти тысячу лет, давным-давно заматерев и покрывшись благородной академической патиной. Дифирамбы и панегирики ПВЛ пели и маститые историки, и не менее маститые филологи: российский историк С. Соловьев называл ПВЛ «образцом всероссийского летописания», а академик Д. Лихачев почитал **ее** «великим наследием». Так что претензии не к авторам ПВЛ, а к российским первоисторикам, которые для своего удобства молчаливо постановили считать ПВЛ летописью. Ведь если бы не это «постановление», они попросту остались бы без работы. Никакими иными источниками информации о возникновении и становлении древней Руси они не пользовались. Не по лености, а из-за отсутствия таковых.

ПВЛ везло. Проходили века, но ее статуса летописи не поколебали ни явные нестыковки в собственной хронологии, ни очевидные расхождения с «зарубежными» источниками, ни противоречия объективным данным археологии, ни откровенная фантастика, которую стыдливо опускали и умалчивали даже сами канонизировавшие ее первоисторики. Этот статус за ПВЛ сохраняется до сих пор, хотя порой создается впечатление, что абсолютное большинство причастных к истории наших современников относятся к ней, мягко говоря, с недоверием. Но в силу инерции традиций и корпоративного единства интересов историки так и не отважились прямо сказать, что королева у нас голая. Лишь самые смелые из них на неприличный вид сей высокопоставленной особы позволяли себе намекать, порой даже весьма выразительно, как, например, это сделал еще в позапрошлом веке историк Д. Щеглов: «Наша летопись или, точнее, наша сага о начале Русского государства, внесенная в последующую летопись, знает то, чего не было, и не знает того, что было».

Только в начале XXI столетия нашелся смелый и принципиальный ученый, причем не историк, а археолог А. Никитин[1], который рискнул от намеков перейти к серьезной научной критике, а правильнее было бы сказать дезавуированию ПВЛ[2]. То, что за это давно назревшее дело взялся именно археолог, в какой-то мере естественно, ведь именно археология всегда наносила самые болезненные удары по «саге о начале Русского государства». К сожалению, это же обстоятельство уменьшило эффект начинания, поскольку отечественные историки привыкли обращать внимание на археологию и археологов только тогда, когда те подтверждали их концепции и теории. То же самое можно сказать о плодах усилий специалистов в смежных областях, таких, например, как исследователь былин С. Горюнков[3], а тем более отдельных и еще далее отстоящих от мейнстрима официальной отечественной исторической науки дилетантов. Но в последнее время вопрос о достоверности кодифицированной в наших учебниках истории древней Руси в довольно резкой форме поднимают даже ученые, имеющие непосредственное отношение к исторической науке вроде А. Королева[4], С. Цветкова[5] и А. Бычкова[6]. Но все же «воз и ныне там», всех этих усилий явно недостаточно, чтобы сдвинуть с места глыбу нашей официальной истории, намертво приклепанную к фундаменту ПВЛ.

Все это тем более печально, что всякий здравомыслящий человек не может не понимать: истинная польза для отечественной истории заключается не в стыдливо молчаливом шествии в свите голой королевы, а в признании, и как можно скорее, очевидного факта, что ПВЛ ни в коей мере не летопись, а именно **повесть**, то есть **беллетристика**. Увы, историки – реальные земные люди, и они не всегда руководствуются соображениями пользы для отечественной истории.

ПВЛ и русская литература в целом рождались практически одновременно. В XI – XII веках на Руси не было ни опыта, ни традиций создания художественных произведений, в том числе произведений с исторической тематикой, поэтому создатели ПВЛ при ее написании воспользовались в качестве образцов имеющимися в их распоряжении переводами на древнецерковнославянский язык нескольких византийских хроник, вследствие чего ПВЛ внешне приобрела вид летописи. Увы, лишь внешне. По сути же, в ней прослеживаются свойственные беллетристике приемы искусственного выстраивания сюжета. Например, А. Никитин отметил в ПВЛ такой характерный для художественной литературы прием, как «плетение сюжетов», который он присвоил некому ее гипотетическому автору начала XII века, названному самим Никитиным «краеведом-киевлянином» и в конечном счете отождествленному им с Нестором-«летописцем».

Появление из-под пера Нестора ПВЛ такой, какая она есть, неудивительно. Ведь он в первую очередь известен как агиограф, автор нескольких житий, которые, пользуясь терминологией того же Никитина, по своему жанру «принадлежат скорее литературе, чем истории». Нестор был безусловно талантливым и весьма продуктивным для своего времени писателем-агиографом. Но, на самом деле, никаким не «летописцем».

Будучи агиографом, при написании ПВЛ Нестор вольно или невольно, но очень широко использовал отработанные им приемы и методы создания житий, а именно отмеченное Никитиным «плетение сюжетов» с вплетением в них необходимых для данного жанра «фактов». В случае житий такими «фактами» обязаны были быть и потому обязательно тако-

---

[1] *А. Никитин.* Основания русской истории. «Повесть временных лет» как исторический источник. М., 2001.

[2] Более подробно о дезавуировании Никитиным «основания русской истории» сказано в приложении «Как возникла начальная русь?»

[3] *С. Горюнков.* Незнакомая древняя Русь. СПб., 2010.

[4] *А. Королев.* Загадки первых русских князей. М., 2002.

[5] *С. Цветков.* Русская земля между язычеством и христианством. От князя Игоря до сына его Святослава. М., 2012.

[6] *А. Бычков.* Киевская Русь. Страна, которой не было? М., 2005.

выми становились эпизоды биографии канонизируемого святого, подтверждающие право на канонизацию, в частности мученичество за веру и сотворенные им чудеса, прижизненные или посмертные. Ни в коей мере не имею в виду вторгаться в сферу компетенции церкви, оспаривать правомочность канонизации святых или подвергать сомнению реальность сотворенных теми прижизненно и посмертно чудес. Но даже если кандидат в святые на самом деле приял муки за веру и совершил некие чудеса, его агиограф просто не мог иметь об этом достоверной информации.

Жития писались, как правило, спустя годы и десятилетия после смерти канонизируемых, не оставивших после себя ни мемуаров, ни дневников, не говоря уже о фотографиях и видеофильмах. Нестор и другие агиографы в своих трудах опирались на некую устную традицию и слухи, на основе которых им надо было выстроить стройный и соответствующий житийному канону биографический сюжет с вплетением в него неких обязательных по жанру чудес. Опять же, не посягая на компетенцию церкви и не оспаривая правомочность актов канонизации, все же нельзя не понимать, что в реальных условиях средневековья агиографы не могли знать и не знали истинной биографии героев их житий, не могли видеть и не видели сотворенных ими чудес. Тем не менее, следуя канону, они были обязаны писать «по правилам», вынужденно пользуясь устной традицией, слухами и сплетнями, а порой и откровенно выдумывая необходимые «факты». Возможно, моральным оправданием им служила уверенность, что если не именно эти, то другие связанные с канонизируемым чудеса действительно имели место.

Так писали все агиографы, так писал свои жития Нестор. Не умея по-другому, да и не видя в этом нужды, **точно так же он написал ПВЛ**. Как привык, как набил руку. Но если в случае агиографии еще можно говорить об оправдании средств целью, о направляющем руку агиографа Провидении, о Прозрении и Откровении, то к ПВЛ эти оговорки неприложимы. То есть в ПВЛ как произведении сугубо светском, неважно летописи или повести, слухи – это слухи, сплетни – это сплетни, а выдумки – это выдумки. Причем, еще раз хочу это подчеркнуть, сам Нестор нас не обманывал. Написав, как умел, художественное произведение, он и назвал его соответственно **повестью**. **Не летописью**!

Почему же ПВЛ превратилась в летопись? Вероятно вследствие недоразумения. Через несколько лет после появления ПВЛ Нестора игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр действительно написал летопись, по-честному назвал ее «летописцем», но, компилируя различные источники, неосторожно включил в свой большой труд ПВЛ в качестве некого подходящего, как ему показалось, зачина к истории Киевской Руси, вроде бы дающего обзор мировой истории «от Рождества Христова». Но в соответствии с понятиями и нормами своего времени он никак не выделил написанное Нестором, и этот шаг возымел несколько совершенно не предвиденных Сильвестром последствий. Во-первых, оказавшаяся в начале летописи Сильвестра ПВЛ начиналась словами «Вот повесть временных лет…», и первоисторики, не разобравшись, отнесли эти слова Нестора ко всему труду Сильвестра, вследствие чего «Повестью» стали называть не только скромную собственно Несторову ПВЛ, но и всю объемистую сильвестрову летопись. Во-вторых, Нестор не забывал упомянуть самого себя в качестве автора своих произведений, сохранилось его имя и в экземпляре ПВЛ, который Сильвестр неосторожно поместил в начале своей летописи, и историки именно Нестора посчитали автором всего сводного труда. Наконец, в-третьих и главных, ПВЛ Нестора **не была летописью и не претендовала быть таковой**, но труд Сильвестра был настоящей летописью; ПВЛ же, оказавшись зачином этого труда, не только передала ему свое название, но и сама ненароком приобрела статус летописи, в коем «незаконно» пребывает по сию пору.

Таким образом, собственно ПВЛ – это только самое-самое начало летописных сводов, чуждое летописанию по стилю и содержанию, изначально не соотнесенное с реальными событиями и, соответственно, не имевшее никаких датировок (а точнее, даже не имевшая

иметь их в виду). Настоящая летопись, то есть труд Сильвестра, основанная не на слухах и мифах, а на письменных документах и худо-бедно отражающая действительные факты истории Киевской Руси с хронологической привязкой, начинается только с появления на Руси широко доступной письменности, формально со времени крещения Руси, а по существу только с правления Ярослава Мудрого. А это значит, что и **реальная летописная история древней, а точнее Киевской, Руси начинается только** со времени Ярослава, то есть **с XI века**.

Несмотря на то, что автором ПВЛ был, судя по всему, один из лучших писателей Руси того времени, современного массового читателя трудно заставить прочесть написанную им почти тысячу лет назад беллетристику, она ему непонятна и неинтересна. Поэтому он знако́м с ПВЛ только в изложении профессиональных историков, даже не подозревая, что это именно изложение, причем авторизированное. Отчасти фильтруя очевидно далекие от реальности фантазии сочинителей ПВЛ, отчасти пытаясь сделать ее текст более доходчивым, отчасти развертывая свою оригинальную историческую перспективу, они брали из ПВЛ в свои труды только то, что им самим было понятно и близко, что не противоречило их собственному видению истории, и излагали взятое так, чтобы изложение удачно встраивалось в их собственные исторические концепции.

Авторитет классиков и инерция их исторических построений оказались настолько велики, что до сих пор побеждают в столкновениях даже с самыми, казалось бы, сокрушительными объективными опровержениями, которые время от времени дает нам археология. Очень показательный и важный для нас пример: во всех учебниках истории и энциклопедиях до сих пор фигурирует взятая из ПВЛ дата «призвания Рюрика» в Новгород Великий – 862 год, хотя многолетние широкомасштабные археологические исследования Новгорода на Волхове не выявили в нем культурных слоев ранее конца первой половины X века. **То есть Новгород возник почти веком позже призвания в него Рюрика!**

Очевидное достоинство археологии в том, что она сама по себе объективна. К сожалению, как показала практика, далеко не всегда объективы археологи. Советская археология могла и замалчивать неудобные для советской исторической науки находки, как десятилетиями было с артефактами скандинавского происхождения на европейской части СССР, и даже откровенно фальсифицировать их в угоду «марксистско-ленинским научным» концепциям академических авторитетов и амбициям партийных и советских функционеров. Яркий и тоже весьма важный для нас пример такой фальсификации, касающийся на сей раз не Новгорода, а Киева, преподнесли в свое время академик Б. Рыбаков и первый секретарь ЦК компартии Украины В. Щербицкий.

Все началось с очередного увлечения Рыбакова неким гипотетическим большим «Полянским союзом племен» начала VI века в среднем течении Днепра во главе с «князем Кием». Разумеется, это увлечение предполагало Киев «племенным центром» этого союза и крупным городом того времени. Советская археология, как ей и было положено, немедленно откликнулась на идею академика о «Полянском союзе», и в Киеве послушно обнаружились якобы относящиеся к началу VI века языческое капище и чуть ли не дворец самого́ Кия. За идею Рыбакова ухватился Щербицкий и по-марксистски творчески развил ее в политическом плане масштабным государственным проектом «1500-летия Киева». Правда, чтобы проект не откладывался на следующий век, а осуществился прижизненно, во время правления Щербицкого, Киев следовало удревнить еще примерно на полвека. Оказалось, это не проблема. Найденные археологами древности мгновенно состарились и стали датироваться V веком. Правда, новые датировки поставили в несколько двусмысленное положение Б. Рыбакова, но вопрос как-то потихоньку замялся.

И все бы ничего, кабы не небольшая загвоздка – оценки археологических находок в киевской земле независимыми зарубежными археологами не только не подтверждали

постулаты отечественной археологии, предназначенные служить фундаментом исторических построений Рыбакова и широкомасштабных политических проектов Щербицкого, но шокирующе их дезавуировали. По консолидированному мнению ряда уважаемых археологов Западной Европы история Киева как города началась только с конца IX века, а крупным городским центром Киев стал не ранее середины X века[7], кстати сказать, практически одновременно с возникновением Новгорода Великого, а до уровня средневекового города столичного масштаба дорос в самом его конце с появлением так называемого «города Владимира»[8].

Действительно, есть археологический факт, объективная данность: до «города Владимира» на территории Киева не было ни «города Святослава», ни «города Ольги», ни «города Игоря», ни «города Олега», ни тем более «города Аскольда и Дира», не говоря уже о «городе Кия». Да что там говорить о «городах», если в слоях древнее X века в киевской земле вообще не найдено останков ни одного значимого здания или сооружения, которое могло бы быть жилищем не то что князя, а хотя бы среднего боярина. Это чрезвычайно важно, и давайте повторим еще раз: **археологически до конца IX века никакого города Киева не было, а до середины X века Киев не был столицей** чего бы то ни было, в частности, разумеется, Киевской Руси. **Говорить о Киеве как столице и, соответственно, о Киевской Руси как государстве можно только с конца, в лучшем случае, с середины X века**, то есть с княжения Ольги по датировкам ПВЛ.

Здесь во избежание недоразумений необходимо сделать оговорку. В отличие от Новгорода, возникшего в середине X века в прямом смысле на пустом месте, поселения на территории современного Киева существовали издревле. Именно поселения, которые то появлялись, то исчезали. Где-то в конце VI века на Старокиевской горе даже возникла небольшая крепостца, просуществовавшая примерно до VIII века. До начала IX века существовали отдельные небольшие сельские поселения на Замковой горе, но потом почему-то все обитатели их покинули. На территории нынешнего мегаполиса Киева археологами найдены десятки поселений разных эпох, но о городе Киеве как столице одноименной древней Руси можно говорить только с середины, а еще вероятнее только со второй половины X века. Судя по археологическим данным, в первой половине X века Киев походил, подобно другим городам Хазарии, например Итилю или Булгару, скорее на восточный базар, раскинувшийся вокруг гавани в устье Почайны. Лишь при Владимире, взобравшись на Старокиевскую гору и обзаведясь фортификационными сооружениями, он превратился в нечто, что мы сегодня называем средневековым городом.

Но если это так, если до Владимира, в крайнем случае до Ольги, Киева как стольного города, как «матери градам русским» не было, то, никуда от этого не деться, не было в природе ни Киевской Руси IX века, ни «киевских князей»: Кия с братьями, Аскольда с Диром и Вещего Олега с Игорем. Не абсурд ли это? Нет, не абсурд, а лишь серьезный, очень серьезный предмет для размышлений.

---

[7] Подробнее об этом в приложении «Когда возникла Киевская Русь?».

[8] Арабы, в частности Ибн Фадлан, еще не знали о Киеве в конце первой четверти X века. А если верить Т. Джаксон *(T. Джаксон.* Austr í Gördum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001), то: «Киева нет в рунических надписях X – XI вв., нет его в скальдических стихах IX – XII вв., нет и в королевских сагах…». То есть скандинавы знать не знают ни о каком Киеве вплоть до XII века!

Ветряные мельницы антинорманизма

Другой – Фарлаф, крикун надменный,
в пирах никем не побежденный,
но воин скромный средь мечей…

А. Пушкин. «Руслан и Людмила»

Наступившее после многовековых баталий шаткое перемирие на норманистско-антинорманистском фронте время от времени нарушается уже не боями, а так, потасовками местного значения. Казалось бы, норманизм давно уже дезавуировал свой наиболее одиозный, хотя и прямо основывавшийся на тексте ПВЛ, тезис о неспособности восточных славян создать свое собственное государство, вследствие чего погрязшие в смутах и разборках аборигены якобы вынуждены были призвать заморских варягов, читай скандинавов, чтобы те наконец-то навели у них в доме порядок. Казалось бы, со всей очевидностью показано и общепризнано, что в само́й Скандинавии времен «призвания», то есть в середине IX века, еще не было создано никаких государств и варяги – находники, по выражению ПВЛ, на Русь – имели опыта и примеров государственного строительства ничуть не больше, если не меньше, чем восточное славянство, географически и исторически примыкавшее к периферии романского и византийского миров. Но антинорманистам всех мастей этого мало. Ни под каким соусом, ни в каком виде не хотят они признать скандинавов во главе государства, пусть даже созданного до их появления самими славянами и на сугубо славянской почве.

Неприятие скандинавов, и германцев вообще, доходит до паранойи. Почему-то в среднероссийском антинорманистском параноидальном сознании летописный Рюрик никак, ни за что не может быть датчанином Ререком, а вот каким-нибудь выходцем из прибалтийских славян Регегом – это пожалуйста. Почему? Чем датчане хуже поляков? Лицом не вышли? Живут хуже? Имеют на нас зуб? Нет, нормальному человеку этого не понять. А параноику-антинорманисту бесполезно пытаться втолковать, что датчане – народ, по крайней мере, не менее цивилизованный, чем поляки, что предки датчан, в отличие от потомков поморских славян, никогда не захватывали Москву и не сажали в ней своих царей-марионеток, не заливали кровью Россию до берегов Волги и не мучили в российских дебрях героев-сусаниных.

Как всегда, в рассуждениях и спорах о том, чем один народ лучше или хуже другого, результат оказывается одним и тем же: всплывает неклинический диагноз вышеназванной паранойи – обыкновенный шовинизм. Именно в силу этого диагноза норманистско-антинорманистское противостояние давно зашло в безнадежный тупик. Заклиненные в германофобии и шовинизме антинорманисты просто не хотят, не способны слушать и понимать разумные доводы и аргументы. А эти аргументы для всех здравомыслящих людей с нормальным общечеловеческим воспитанием звучат более чем весомо и не оставляют сомнения, что в течение некоторого времени выходцы из Скандинавии стояли во главе государства, которое мы ассоциируем с древней Русью. Аргументы давно и хорошо известны, я их просто вкратце напомню.

Первый аргумент – Вертинские анналы. Согласно им прибывшие в 839 году ко двору Людовика Благочестивого через Константинополь послы «кагана народа Рос» были признаны там скандинавами (своими). Пытаясь как-то дезавуировать этот факт, антинорманисты не придумали лучшего объяснения, чем такое: дескать, правитель Руси, конечно же чистокровный славянин, послал в Константинополь служивших ему варягов, например, потому что те лучше знали дорогу, знаменитый путь «из варяг в греки». Можно встретить в каче-

стве иллюстративного примера даже ссылку на немца Нессельроде во главе министерства иностранных дел России. Однако ссылка неуместна. Да, немец или швед мог стать в России министром иностранных дел, особенно при императоре Павле I, который, между прочим, сам был на три четверти немцем, и его преемниках. Стопроцентной немкой могла быть (и была ведь, была!) сама российская императрица. Но чтобы целиком все министерство иностранных дел или все поголовно русское посольство состояло из немцев или шведов? Это уж увольте. Даже при Екатерине II и Павле I такого не было и быть не могло.

Гипотетический славянский правитель некой Руси начала второй трети IX века мог включить в свое отправляемое в Константинополь посольство варягов в качестве проводников, если они лучше знали дорогу, или толмачей, если они лучше понимали греческий язык (хотя и с чего бы?!), но в любом случае служилые скандинавы, играя в посольстве сугубо вспомогательные роли, не определяли бы его этническое лицо. Не только самое естественное, но и единственно возможное объяснение того, что посольство кагана Руси состояло из скандинавов-свеев, заключается в том, что сам каган и его окружение, из которого он наверняка назначал послов, то есть **вся русь того времени была скандинавской**.

Второй аргумент – имена послов Вещего Олега, отряженных им в Константинополь для подписания мирного договора с греками, зафиксированные не где-нибудь, а прямо в ПВЛ. Вот они: Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав, Стемид. Там же можно найти еще один список имен уполномоченных представителей руси, подписавших такой договор от «рода русского»: Карл, Ингельд, Фарлаф, Вельмуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву Труан, Стемид. Написание имен послов, которые сами по себе имеют колоссальную важность и которыми нам еще предстоит заняться вплотную, несколько разнится в разных списках ПВЛ, что, конечно, расширяет возможности трактовок и этимологизаций. Но, что характерно, ни в одном из вариантов этих имен нет и намека на что-то славянское, а абсолютное большинство их явно германского происхождения, причем некоторые имена – Ингельд, Фарлаф[9], Вельмуд, Рулав, Руалд, Фрелав – конкретно скандинавские. Трудно отделаться от мысли, что мы имеем дело с прямыми потомками послов русского кагана из Вертинских анналов. Единственное, на что могут рассчитывать здесь антинорманисты, это имеющееся обоснованное подозрение в подложном характере договора 907 года, с которым ПВЛ связала имена послов в Константинополь. Сомнение в его аутентичности высказывал еще первый исследователь ПВЛ А. Шахматов, работы которого стали классикой анализа русских летописей. Однако никто не подвергал сомнению договор 911 года, включенный в статью 912 года ПВЛ и содержащий в своей преамбуле приведенный выше расширенный список уполномоченных подписантов договора. Наконец, есть еще аналогичный договор Игоря, тоже донесенный до нас ПВЛ в статье 945 года. В нем, правда, появляется пара имен, выглядящих похожими на славянские, но по-прежнему абсолютное их большинство имеет очевидно германское происхождение.

Аргумент третий – русские названия днепровских порогов у Константина Багрянородного в его трактате «Об управлении империей». Этимология приведенных им русских названий явно древнескандинавская. Антинорманисты предпочитают обходить эти труднопреодолимые для плавсредств, но еще более для самих антинорманистов пороги молчанием, а вынужденно упоминая, демонстративно заключают слово «русские» в кавычки. Но эти кавычки – не более чем хорошая мина при плохой игре. Константин называл пороги по-русски без всяких кавычек и тут же давал их параллельные названия по-славянски, которые действительно этимологизируются из старославянского. То есть у Багрянородного **русский**

[9] Посол «рода русского» Фарлав, перекочевав из ПВЛ в поэму Пушкина «Руслан и Людмила», превратился в пьяницу и спесивого хвастуна без роду-племени. Но на персонаже одноименной оперы М. Глинки уже сказываются труды норманистов: там Фарлаф – **варяжский** витязь, хотя по-прежнему персонаж выраженно отрицательный.

язык прямо противопоставлен славянскому, и этот его **русский язык – язык древнескандинавский** в современной терминологии.

Понимая значение и неубиенность этого свидетельства, известный антинорманист, украинский историк и археолог М. Брайчевский, сделал отчаянную попытку этимологизировать названия днепровских порогов у Багрянородного из неких мифических «иранских языков». Увы, его дилетантские потуги у лингвистов вряд ли вызовут что-либо кроме грустной улыбки[10]. Если же говорить серьезно, то, глядя правде в глаза, невозможно не признать, что в конце первой половины X века, то есть век с лишним спустя после появления при дворе Людовика Благочестивого послов русского кагана, их потомки все еще говорили на древнескандинавском языке. Заметим кстати, что именно древнескандинавском. Во всей Скандинавии IX века в ходу был единый язык, хотя вероятно уже распадавшийся на диалекты, из которых его преемники – шведский, норвежский, датский и исландский языки – оформились не ранее XII века.

Четвертым и безусловно решающим аргументом служат имена самих «великих князей» начальной Руси, известные нам не только из ПВЛ, но и из заслуживающих доверия документальных свидетельств соседей древней Руси. Аргумент настолько важен, что достоин отдельного рассмотрения, и к этим именам нам вновь и вновь придется возвращаться.

А пока сконцентрируемся на важнейшем для истории древней Руси факте: скандинавы в начале «эпохи викингов», то есть в VIII – IX веках, нигде, включая саму Скандинавию, не создали никаких государств из ничего. Что умели делать викинги и делали повсеместно, это «накладывали лапу» на все, что «плохо лежит», но лежит уже готовенькое, в частности на существовавшие, особенно небедные, но по каким-то причинам ослабленные государственные образования. Начиналось все тривиальным грабежом, а заканчивалось либо поспешным бегством, либо, если повезет, захватом командных высот. Именно так возникли «норманнские» государства в восточной Англии (Данелаг), западной Франции (Нормандия) и южной Италии (Сицилийское королевство). Поэтому можно смело предположить, что таким же образом возникло варяжское государство Русь. Чрезвычайно интересно провести параллель, впечатляющую и показательную, между захватом Нормандии викингами норманнами и будущей Руси варягами русью.

В конце IX века норманны Хрольва Пешехода правдами и неправдами получили контроль над полуостровом Бретань, а затем, в течение X века, и всей Нейстрией[11]. Та, будучи в то время частью королевства Меровингов, и частью далеко не бедной, имела не только свою государственную территорию, но и собственную историю в прошлом независимого королевства. После подчинения норманнам Нейстрия очень быстро превратилась в Нормандию, а бывшие норманнские ярлы – в нормандских герцогов. Так уже существовавшее государство на бывшей кельтской, но романизированной территории поменяло название, приняв имя захвативших ее викингов. В этом переименованном государстве относительно малочисленная господствующая норманнская верхушка быстро потеряла родной древнескандинавский язык и перешла на местные романские наречия. Но бывшие конунги и ярлы, превратившись в герцогов и баронов, еще долго сохраняли древнегерманские имена – единственное, что отличало вознесшуюся на вершины власти пришлую элиту от задвинутой на задворки местной знати. Однако вследствие смены языка эти старые германские по происхождению имена стали произноситься на местный лад, свойственный старофранцузским диалектам Ойль: Вильхельмы превратились в Гиллемов (современное французское Гийом), Рикхарды

---

[10] Более подробно об этом см. «Читая Константина Багрянородного». *(В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

[11] По иронии судьбы Хрольв заключил договор с французским королем Карлом Простым в 911 году, одновременно с заключением договора руси с греками, приписанного в ПВЛ Вещему Олегу.

– в Ришардов (современное французское Ришар), Хродберахты – в Родбертов (современное французское Робер), а Готфриды – в Жоффроев (современное французское Жоффруа)[12].

Почти то же самое мы видим на востоке. Почти – потому что, к сожалению, проводя параллель между процессами рождения государств в Нормандии и на Руси, мы вынуждены пропустить первый самый важный для антинорманистов, да и всех нас, этап, так как не имеем никаких данных о восточноевропейском государстве, которое прибрали к рукам варяги-русь. История Нейстрии и захват ее норманнами документированы местными анналами, благо, Франция Меровингов уже имела унаследованные от Римской империи давние традиции историографии и обширные штаты анналистов. А вот на востоке документировать аналогичное событие было некому. Поэтому относительно первого этапа приходится принять нечто нам не известное по аналогии, которая, к счастью, очень ярко прорисовывается на всех последующих этапах.

В рамках этой аналогии некое государство на бывшей готско-сарматской, но славянизированной к IX веку территории получила имя по захватившим ее скандинавам, которые, по свидетельству Вертинских анналов, были этническими своями, но уже в то время назывались русью. Далее, как и в Нормандии, господствующая верхушка руси присвоила себе местные титулы, что подтверждается «каганом-рус» арабских авторов, он же «каган народа Рос» Вертинских анналов, и перешла на местные славянские наречия, все еще сохраняя древнегерманские имена, которые однако переиначились на местный восточнославянский лад. Так Хельги превратились в Эльгов / Ольгов[13] (современное великорусское Олег), а Ингвары / Ингеры – в Ингорей (современное великорусское Игорь). Как видим, за исключением неизвестного нам первого этапа далее нормандский сценарий здесь повторяется один в один.

На мой взгляд, такое повторение, такая очевидная параллель, от которой антинорманисты отмахиваются, как черт от ладана, объективно как раз льет воду на мельницу антинорманизма, заставляя обоснованно предположить существование в IX веке на Русской равнине некого государственного (предгосударственного) образования, привлекшего внимание находников-варягов. Эти варяги, прозвавшиеся русью, несомненно действовали на востоке точно так же, как и их соплеменники на западе: ничего не создавали, ничего не строили, только грабили, обирали, а при удобном случае захватывали и подчиняли. В конечном счете им удалось захватить где-то на территории будущей Руси и подчинить себе одно или даже несколько предгосударственных образований, которые скандинавская эпическая традиция называла Гардами.

[12] В литературе предводителя норманнов Хрольв часто называют Ролло, что тоже есть офранцуженное уменьшительное от «Хрольва».

[13] Более подробно о механизме этого превращения в приложении «Как возникла начальная русь?».

Гарды Восточного пути

Пусть не Париж, не Нью-Йорк
маленький мой городок.
Летом красив и зимой
Новгород – город мой!

«Мой Новгород»,
группа «Свои ребята»

Вечорів оксамити,
мов щастя прибій…
Як тебе не любити,
Києве мій!

«Мой Киев», слова Д. Луценко

В древнескандинавских сагах Древняя Русь называлась Аустрвег, то есть «Восточный путь» – скандинавский эквивалент пути «из варяг в греки» наших учебников истории, – или Гардарики, то есть «державой гард»[14]. В самых ранних сагах это государство звалось просто Гардар, то есть «гарды». Вопреки расхожему мнению **скандинавские «гарды» – это вовсе не города**. Городов, по крайней мере городов в нашем сегодняшнем понимании, во время становления Древней Руси в Скандинавии вообще не было, поэтому не было и такого понятия в древнескандинавском языке. Позже в связи с действительно возникшей необходимостью во всех скандинавских языках для средневекового города появилось совсем иное слово общегерманского происхождения borg.

Археолог Г. Лебедев, один из российских авторитетов в истории и археологии древней Скандинавии, проводил параллель между древнескандинавским garđ и древнерусским термином «полюдье», имея в виду территориальную единицу, на которой кормится некий правитель – конунг в Скандинавии или князь на Руси, – и которую он соответственно берет под свою юридическую и военную опеку[15]. Судя по множественному числу «гарды», таких гард-полюдий на Восточном пути было несколько. По крайней мере, нам достоверно известно о двух из них: новгородском и киевском, маркированных в скандинавской эпической традиции явным формантом -garđr, – соответственно Хольмгард (Holmgardr) и Кянугард (Kænugardr) с вариантом Кенугард (Kœnugardr).

В уже упоминавшемся выше опусе «Об у правлении империей» византийский император Константин Багрянородный употребляет непосредственно славянское слово «полюдье» (πολυδια) в связи с некой местностью, которую Константин называет то Киоавом, то Киовой, и в которой обитают кормящиеся этим полюдьем архонты Руси. Не исключено, что Константин также упоминает и новгородское полюдье, когда мимоходом замечает, что Святослав «сидел в *Немо**гарде**»* (Νεμογαρδας). Здесь полезно еще раз подчеркнуть, что в конце первой половины X века, когда писал свой труд Константин, Новгорода Великого еще не было, да и Киев, судя по современным оценкам независимых археологов, еще не стал сто-

[14] Форманты *-вег* и *-рики* также видны в исходном названиях Норвегии Nord***veg***– «Северный путь» (в современном норвежском упростилось до Norge) и Швеции, в оригинале *Sve**rige*** – «Свейская держава».

[15] В современном шведском языке слово gård означает «ферма», то есть, по сути, то же самое: территорию со всеми обитателями, с которой кормится ее хозяин и которая находится под его опекой.

личным городом. Так что речь у Багрянородного не может идти о городах Новгороде Великом и Киеве, а, следовательно, имеются в виду именно киевское и, возможно, новгородское полюдья. Кстати, Багрянородный называет административный центр киевского полюдья, в котором обитали архонты руси, но это вовсе не Киев, а некая крепость (καστρον), которую Константин называл Самватом (Σαμβατας).

Возможно, на Восточном пути существовали другие полюдья, например, смоленское (гнездовское) и полоцкое. Наверняка какое-то полюдье руси было на верхней Волге. Археологически оно оставило следы в Тимереве, Сарском городище и других местах нынешней Ярославской области. Надо полагать, тамошняя русь ходила на кораблях в Булгар и на Каспий. Скорее всего с купцами той руси встречался в 922 году в Булгаре Ибн Фадлан, который слыхом не слыхивал ни о Киеве, ни о Днепре, но без тени сомнения помещал Русь на берегах Волги севернее Булгара.

Неизвестно, был ли у всех полюдий руси единый верховный правитель или полюдья существовали и управлялись независимо. Даже непонятно, был ли единый властитель в каждом полюдье. В частности, об архонтах киевского Константин Багрянородный говорил во множественном числе, но при этом он мог иметь в виду как множество одновременных соправителей, так и последовательно сменяющих друг друга владык. Ничего не проясняют упоминаемые во франкских документах «каган руси» и «норманнский каган», равно как и «каган-рус» у арабских географов. Обычно, очевидно по аналогии с тюркскими и хазарским каганатами, молчаливо предполагается, что титул кагана мог носить только один самый главный правитель, объединивший под своей властью все или большинство захваченных русью территориальных единиц, например, тех же полюдий, и принимать его только как качественно новый титул верховного владыки «Всея Руси». Но, как я уже однажды замечал по этому поводу[16], на самом деле ничто не мешало назваться каганом и даже послать в Константинополь посольство из своих людей кому угодно, любому никому не известному правителю сугубо «местного значения». А какому-нибудь варяжскому ярлу по имени Хакан, чтобы послать хохмы ради посольство в Византийскую или Франкскую империи, даже не нужно было прикидываться каганом. Кстати сказать, ни византийцы, ни франки посольство «русского кагана» всерьез не восприняли.

Возвращаясь к двум достоверно нам известным полюдьям руси X века, киевскому и новгородскому, хотелось бы сделать попутное замечание о происхождении их названий. До сих пор нет общепринятой этимологии для скандинавских названий Хольмгарда и Кянугарда / Кенугарда. Для Хольмгарда наиболее популярны две этимологизации: из славянского «холм» и скандинавского holm – «остров». К сожалению, обе совершенно ни при чем в случае Новгорода Великого. Поэтому в качестве альтернативы предлагалось как-то пристроить понятие острова к предтече Новгорода Рюрикову городищу, хотя достоверно не известно, было ли Рюриково Городище островом, а если выражаться более точно, островком в «рюриковы времена». Кроме того, зарождение эпической скандинавской традиции об Аустервеге-Гардарики в основном относится к XI и даже скорее XII векам, когда под Хольмгардом мог пониматься только переживавший расцвет Новгород Великий, а не маленькое уже захиревшее к тому времени Рюриково городище. И уж совсем плохи дела с Кянугардом-Кенугардом. Единственное имеющее на сегодня объяснение Кянугарда из «кияне», имея в виду жителей Киева, если в него вдуматься, парадоксально: получается, не киевляне получили свое прозвание потому, что жили в Киеве, а Киев получил свое название потому, что в нем жили киевляне! А вариант Кенугарда «кияне» и вовсе подвешивают в воздухе.

[16] *В. Егоров.* Между варягами и греками. (Авторский сайт www.ipiran.ru/egorov).

Но на самом деле, на мой взгляд, все рассмотренные и не рассмотренные здесь варианты этимологизации Хольмгарда и Кянугарда изначально бессмысленны, потому что исходят из принципиально неверной посылки. Если в соответствии с высказанным ранее постулатом названия с формантом «-гард» относятся не к городам, а к полюдьям, то и первые компоненты обоих названий следует соотносить не с городами, а с полюдьями как некими территориями и предгосударственными образованиями во главе с властителями-русью. Под этим углом зрения в качестве этимологических объяснений сразу отметаются и «холм», и «кияне». Объяснение через «остров» не исключается автоматически, особенно в контексте известного «острова русов» арабской традиции[17], но мало-мальски разумного смысла оно все равно не приобретает. Зато этот смысл Кянугард и Хольмгард могут обрести, рассматриваемые как названия не столько городов, сколько полюдий, то есть владений неких властителей руси, если допустить, что названия полюдий отражали, например, титулы или родовые имена этих властителей.

Наиболее наглядное подтверждение такое допущение находит в Кянугарде, где перед формантом «-гард» достаточно отчетливо проглядывает «каган». И этому не приходится удивляться с учетом того, что какой-то правитель руси принял титул кагана еще в первой половине IX века, что следует из текста Бертинских анналов, а Киевщина (Киоав-Киова Багрянородного) была подвластна хазарскому каганату с начала восьмого примерно до середины десятого века с небольшим перерывом на время венгерско-хазарской размолвки. К сожалению, мы не знаем, как произносили титул своего верховного правителя живые хазары. Возможное произношение титула кагана в различных тюркских языках может включать варианты *ка'ан* и *кя'ан,* причем последний из них прямо соответствует форме Кянугард. Однако скандинавская традиция помимо формы Кянугард знала и альтернативную ей форму Кенугард. Судя по чувашскому языку – единственному живому близкому родственнику хазарского, – в котором «хан» – *хун*, хазары тоже могли произносить слово «каган» с лабиализацией гласного, нечто вроде «кю'ун», а такое произношение должно было породить у скандинавов скорее Кенугард, чем Кянугард.

Наконец, отдельный вопрос, не могло ли после принятия Хазарией иудаизма в качестве государственной религии повлиять на хазарское произношение титула кагана еврейское *ко'эн*. Конечно, хазарские каганы не были потомками библейского Аарона, что обязательно для истинных коэнов, – таковых в Хазарском каганате просто неоткуда было взять, но выполняемые каганами некоторые жреческие функции кое в чем перекликались с функциями коэнов. По крайней мере, спеллинг Kœnugarđr более всего отсылает именно к ним.

Как видим, вариантов много, они очень зыбки, и все же не кажется невозможным, что название Киева в вариантах Кянугард-Кенугард – это просто-напросто скандинавская передача «полюдья каганов».

Переходя к Хольмгарду, надо иметь в виду, что в само́м древнескандинавском Holmgarđ произносилось как *Хольгард* (позднее *Хульгард*). Поскольку holm в значении «остров» толком пристроить к Новгороду Великому не удается, возникает закономерный вопрос, не является ли Holmgarđ вторичным, скандинавским «письменным» осмыслением изначального устного Holgarđ с практически тем же самым произношением? А если это так, то не идет ли речь об Ольгарде, то есть… **полюдье ольгов**?! Здесь может иметься в виду конкретная личность – Вещий Олег, *Ольг* в древнерусском тексте ПВЛ, или, что представляется более вероятным, принятый у правителей начальной руси титул «ольг»[18]. То есть Ольгард – это «полюдье ольгов» – полная новгородская аналогия киевскому «полюдью каганов».

---

[17] В отношении «острова русов» скорее дело обстояло как раз наоборот. Этот «остров» – вероятная арабская калька с древнескандинавского «Хольмгард».

[18] Развернутый разговор об этом титуле пойдет в приложении «Как возникла начальная русь?».

Параллель «Каган-гарды» с «Ольг-гардой» определяется основополагающей параллелью между «ольгами» и «каганами», параллелью настолько важной, что мы будем вынуждены к ней не раз возвращаться, сознательно ища и находя ей подтверждения. А разница в названиях между ними могла проистечь из-за того, что «Каган-гарда» территориально соседствовала с хазарским каганатом и, в более широком плане, тюркоязычным в то время Северным Причерноморьем, а «Ольг-гарда» – с германоязычным скандинавским миром.

Однако мы несколько забежали вперед. Поэтому притормозим и пока условно примем только что высказанную гипотезу, согласно которой мы получаем как минимум два предгосударственных образования – полюдья, – в которых до образования единого государства древней Руси, то есть до конца X века, а вполне вероятно, что и некоторое время после, заправляли каганы и ольги руси. Значит ли это, что варяги создали эти или другие аналогичные образования? Ни в коей мере. Создавать государства, государственные структуры викинги, в том числе и те, что назывались в ПВЛ варягами-русью, просто не умели. Не имели ни опыта, ни желания – были, что называется, не по тому делу. Все это они получали в готовом виде по праву сильного, а затем либо мгновенно теряли, либо, сохранив, быстро адаптировались, приспосабливались к местным условиям подобно норманнам Хрольва в Нормандии.

В описании Ибн Фадлана, сделанном по личным впечатлениям, в первой четверти X века русь по внешнему облику не имела ничего общего со скандинавами, а порядки при дворе их «царя», то есть соответственно нашей гипотезе кагана или ольга, вообще совершенно чужды скандинавским, но действительно типичны для двора кагана хазарского. У Ибн Фадлана русь носит римские короткие плащи, турецко-украинские шаровары, а ее правитель проводит время исключительно в попойках и увеселениях на огромном столе в окружении наложниц и личной охраны, в то время как все государственные дела и защиту отечества выполняют его приближенные заместители. Как тут не вспомнить нашего славного былинного Владимира Красно Солнышко с его бесконечными пирами и полной отстраненностью от государственных дел, прижившуюся около него и охранявшую его драгоценную персону, а заодно всю Русскую землю, когорту богатырей и, наконец, отчеканенные в XI веке в Киеве монеты с легендой «Владимир на столе», как будто для иллюстрации описания Ибн Фадлана?!

Недаром в последнее время все больше историков готовы признавать, естественно, с оговорками на особенности жанра, скандинавские саги и русские былины историческими в основе своей источниками, в ряде случае даже более правдивыми, чем «летописи» наподобие ПВЛ. И это не удивительно, ибо народные сказители – не придворные «летописцы» киевских князей и не агиографы. В отличие от сочинителей ПВЛ им не нужно было, угождая сильным мира сего, придумывать «факты» и перевирать традицию, в основе которой, как правило, лежали действительные события. Проблема лишь в том, чтобы суметь извлечь из былин их реальную основу, переданную в традиционных фольклорных формах и «зашумленную» многовековой устной передачей.

Рюриковичи мы?

Мерз я где-то, плыл за моря.
Знаю – это было не зря.
Все что было, было не зря,
Не напрасно было!

«Разговор со счастьем»,
слова Л. Дербенева.
Песня из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»

В кинофильме Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» есть примечательный эпизод. Составляющий протокол участковый милиционер задает рутинный вопрос об имени и фамилии Ивану Грозному, волею авторов фильма оказавшемуся в нашем времени. Царь поначалу озадаченно чешет затылок, но затем, гордо вскинув бороденку, объявляет как само собой разумеющееся: «Рюриковичи мы!». Тысячу с лишним лет не подлежало сомнению, что первая династия русских владык вела свою родословную от Рюрика. Кто же он такой, чем знаменит родоначальник династии, более семисот лет правившей древней Русью и Россией и о принадлежности к которой с гордостью заявляет в фильме один из последних ее представителей? Как ни парадоксально, сам по себе Рюрик совершенно не известен мировой истории, а его славные деяния не попали ни в одни анналы. Единственный источник, удостоверяющий существование Рюрика, – это ПВЛ. Увы, слишком ненадежное, как мы уже имели возможность убедиться, удостоверение личности[19]. Но даже ПВЛ, единственная якобы знающая Рюрика, не числит за ним никаких достойных упоминания свершений.

Говоря о Рюрике и его безвестности в мировой истории, нельзя обойти молчанием Ререка Ютландского, упорно впихиваемого в нашу историю в качестве летописного Рюрика Новгородского[20]. Отождествление Рюрика и Ререка было поддержано таким столпом советской исторической науки, как академик Б. Рыбаков; в наше время эту идею несет на своем знамени российский археолог, бессменный руководитель Ладожской археологической экспедиции А. Кирпичников. Здесь, правда, надо сделать скидку на романтическую увлекаемость Рыбакова экстравагантными гипотезами в области древней отечественной истории и далекое не только от романтики, но и от истории, зато вполне практичное и понятное по финансовым соображениям настойчивое стремление Кирпичникова превратить раскапываемую и монополизированную им Старую Ладогу в «первую столицу Руси».

Впрочем, в самой академической среде противников отождествления Ререка и Рюрика не меньше, чем сторонников. Против признания ютландского ярла новгородским князем говорят и та чрезвычайная скудость сведений о Рюрике, что оставила нам ПВЛ, и его мифические братья Синеус и Трувор, означающие в переводе с древнескандинавского «его дом и верная дружина», и реальная хронология худо-бедно документированной европейскими хрониками жизни ютландского Ререка, деятельность которого в целом ограничивалась Данией и границами Франкской державы минимум до 873 года. Между тем, ПВЛ «призывает» Рюрика в Новгород гораздо раньше, в 862 году, где и оставляет княжить до самой смерти.

---

[19] Проблема ненадежности «свидетельств» ПВЛ была поднята мной еще в расследовании «Читая «Повесть временных лет»» *(В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010).

[20] Более подробно о Рюрике и Ререке в приложении «Как возникла начальная русь?».

Но дело даже не в ПВЛ. Задолго и до 862, и до 873 годов, еще до того как Европа впервые могла услышать о Ререке Ютландском, в 838 году в Константинополь прибыли послы руси, которые годом позже оказались при дворе Людовика Благочестивого в Ингельгейме и «наследили» во франкских анналах. То есть вне сомнения какая-то русь, причем русь достаточно организованная, чтобы заслать посольство к византийскому и франкскому императорам, уже существовала и до появления на исторической сцене Ререка, и тем более до «призвания Рюрика», что окончательно превращает последнего в сугубо мифическую, никогда не существовавшую в природе, да и на самом деле никому не нужную личность.

Не вдаваясь глубоко в ученые споры, со своей стороны хотел бы обратить внимание на полную ментально поведенческую несовместимость исторического Ререка и летописного Рюрика. Ререк – истинный Скьольдунг, яркая неугомонная натура, борец и дерзатель, всю свою жизнь посвятивший завоеваниям и поискам лучшей доли под солнцем. Ему мало острова Виринген, ему мало больших и богатых купеческих городов Дорестада и Утрехта, он всю жизнь добивался обладания всей Фризией и всей Данией. В трудные периоды после неудач Ререк, чтобы поправить дела, подобно другим викингам не брезговал дальними грабительскими походами и на запад во Францию, и на восток в Швецию. Но всегда, вновь обретя финансовую состоятельность, возвращался назад и снова включался в интриги и междоусобную борьбу наследников Людовика Благочестивого. В противовес ему летописный Рюрик – совершенно пассивная бесцветная личность. Он ничего не завоевывает и не захватывает, а всего лишь благосклонно принимает свалившееся на него как снег на голову предложение заморских аборигенов править у них на задворках балтийской ойкумены, бесконечно далеко от Фризии, Дании и Франкской империи. Став там волею судеб верховным властителем, Рюрик до самой смерти ведет откровенно сибаритский образ жизни: не воюет, защищая подвластную ему землю, не раздвигает ее рубежи славными походами, даже не осуществляет, выражаясь современным языком, своих властных полномочий, сразу удалившись от дел и «раздав города своим мужам». Разве в патологическом бездельнике Рюрике можно увидеть деятельного викинга Ререка?

Едва ли не единственный реальный «аргумент» в пользу идентичности Ререка и Рюрика, выдвинутый А. Кирпичниковым, – типологическое сходство археологических находок в Старой Ладоге и Рибе в слоях VIII – IX веков. Что ж, археология – это серьезно, от нее просто так не отмахнешься.

Хотя город Рибе, ровесник Старой Ладоги, расположен на западном побережье Дании, его история с биографией Ререка не соприкоснулась. Бравый викинг со своим близким окружением всю жизнь мотался по миру, а вот в родных краях в сознательном возрасте пожить ему как-то не довелось. Что же касается имеющегося, поверим Кирпичникову типологического сходства археологических находок в Рибе и Старой Ладоге, то оно естественно объясняется колонизацией Ладоги выходцами, в частности, из южной Ютландии как до Ререка, так и после него, но без его личного участия.

Север будущей Руси заселяли не только обитатели Рибе. Может быть конкретно из его окрестностей вообще никто никогда не добирался до волховских берегов. Археологические находки в Рибе говорят о нацеленности его торговых связей исключительно на запад, на Францию и Англию. Восточная торговля датчан того времени шла главным образом через Хедебю. Упомянутое типологическое сходство ладожских археологических находок не замыкалось только на город Рибе. Последний, будучи археологически хорошо изученным, представляет современную ему археологическую культуру южной Ютландии, населенной в IX веке данами, саксами и полабскими славянами. Под военным давлением расширяющей свои пределы Франкской империи и угрозой насильственной христианизации на восток время от времени волнами бежали и первые, и вторые, и третьи. Археологи уверенно говорят о присутствии в Ладоге и Рюриковом городище в IX веке наряду с местным населе-

нием и скандинавов, и прибалтийских славян, причем, похоже, из них численно преобладали последние. Эти переселенцы принесли с собой на север будущей Руси не только археологически зримую материальную «культуру Рибе», но и свою духовную культуру: язык, образ жизни, традиции и предания.

Среди принесенных в Новгород из Мекленбурга[21] полабских преданий были и сказания о бездетном ободритском вожде Гостимысле, погибшем в неравной борьбе с Людовиком Немецким, о его завещании призвать для продолжения этой борьбы Ререка Ютландского, о приходе Ререка и разорении его викингами городов вверх по Эльбе. Эти предания были отзвуками действительных исторических событий, произошедших в землях полабских славян и отмеченных Ксантенскими и Фульдскими анналами. Переселенцы-мекленбуржцы принесли память об этих событиях с собой на новую восточную родину – Ладогу и Рюриково городище. Здесь, на новгородской почве, отдаляясь во времени, они постепенно превратилась в местную легенду о новгородском старейшине Гостомысле и призванном в Новгород варяге Рюрике, впоследствии письменно зафиксированную Иоакимовской летописью и в рафинированном виде проникшую в ПВЛ.

Современная генетика способна прослеживать родство через века и тысячелетия. В частности генная структура Y-хромосомы отражает наследственность по отцовской линии. Недавние выборочные генетические тесты по Y-хромосоме ныне живущих представителей русских княжеских домов, претендующих на происхождение от Рюрика, выявили среди них минимум две совершенно неродственные ветви, условно «Мономашичей» и «Ольговичей». Судя по результатам этих тестов, два внука Ярослава Мудрого – Владимир Всеволодич Мономах и Олег Святославич (Гориславич в «Слове о полку Игореве) – не имели общего предка по отцовской линии, следовательно оба сразу они не могли быть потомками Рюрика.

Оставим в стороне пикантный, но не слишком исторический вопрос: какие же из ныне существующих княжеских фамилий – настоящие Рюриковичи? Ответ на этот вопрос все равно никогда не будет найден, поскольку для него необходим генетический материал самогó мифического предка. С точки зрения древней истории было бы более интересным и полезным восстановить истинную генеалогию первых русских князей вместо той липовой с никогда не существовавшими в природе Рюриками и Вещими Олегами, что нам подсовывает ПВЛ. Здесь дело за практической генетикой. Проблема только в том, располагает ли она необходимыми исходными данными. Как можно быть в чем-то уверенным, если, например, в саркофаге Ярослава Мудрого вместо его останков обнаруживается мешанина костей из двух женских (!) скелетов, причем один из них относится к еще скифскому времени?! И чье в таком случае, спрашивается, лицо глядит на нас со знаменитого скульптурного портрета Ярослава, восстановленного М. Герасимовым якобы по черепу князя?

Увы, в наше время результаты научных изысканий все больше востребуются не для установления истины, а разного рода околонаучных сенсаций. Так и веское слово генетиков, вместо того чтобы пролить свет на происхождение первых владык древней Руси, только разожгло околоисторические и окологенетические спекуляции об истоках обеих названных выше княжеских линий родства, активно множащиеся на «научной основе» частотности генетических маркеров в Y-хромосомах, так называемых гаплогрупп. Дело в том, что вроде бы в линии Мономашичей преобладает гаплогруппа N1c1, наиболее распространенная на севере России и территориях современных Финляндии, Эстонии и Латвии, севера Швеции и Норвегии, то есть финская в первом приближении; а **у** Ольговичей – гаплогруппа R1a, широко представленная **у** всех народов Восточной Европы, в целом совпадающая с историческим ареалом расселения славян. Если данные верны, то к Дании, где доминирует гапло-

[21] **Мекленбург** в переводе с древнегерманского означает «великий город». Не беженцы-мекленбуржцы ли основали Новгород и назвали его Новгородом Великим, то есть **Новым Мекленбургом**?

группа R1b, а следовательно и Ререку Ютландскому, ни одна, ни другая ветвь «Рюриковичей» отношения не имеют. А вот к чему они могли бы иметь отношение, как будто никого не волнует.

При сложившихся обстоятельствах разумнее было бы вообще забыть про Рюрика, исключить эту мифическую личность вместе с Гостомыслом и иже с ними из отечественной истории и, отталкиваясь от реальной проблемы существования двух (или больше?) разных династических ветвей древнерусских княжеских фамилий, сосредоточиться на восстановлении истинной генеалогии первых правителей древней Руси. Раз и навсегда запихнув ПВЛ куда подальше.

«Закон и благодать» каганской генеалогии

Авраам родил Исаака;
Исаак родил Иакова;
Иаков родил Иуду и братьев его;
Иуда родил Фареса и Зару от Фамари;
Фарес родил Есрома;
Есром породил Арама…
Ветхий Завет, книга Бытия

Впервые в письменном виде генеалогия начальных властителей Руси появилась во времена правления Ярослава Мудрого из-под пера митрополита Илариона в его «Слове о законе и благодати». В панегирике предкам его владычествующего патрона «благоверного кагана Ярослава, сына Владимирова» Иларион восхваляет «…нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли Володимера, внука старого Игоря, сына же славного Святослава…». Так уже к середине XI века мы видим оформленную и утвержденную высшей церковной властью Киевской Руси линейную родословную: старый Игорь → славный Святослав → великий каган Владимир → благоверный каган Ярослав. На первый взгляд преемственность очевидна. Однако при более внимательном взгляде в таким образом выстроенной родословной можно заметить одну иезуитскую хитрость. То, что Владимир был сыном Святослава и внуком Игоря, не означает автоматически, что Святослав был сыном Игоря. Он мог быть и племянником, причем племянником не по крови, а по свойству.

В отличие от авторов Ветхого завета Иларион в своем родословии не удостоил вниманием ни братьев, ни жен, ни предшественников перечисленных «патриархов русского княжеского рода», сделав исключение лишь для «бабы» Владимира Ольги. Он как будто не знал ни Кия с братьями, ни Аскольда с Диром, ни Рюрика с Вещим Олегом.

Еще можно отметить, что Владимир и Ярослав титулованы каганами, а Игорь и Святослав – нет. Это не похоже на оговорку: Владимир и Ярослав названы Иларионом каганами еще по разу, причем Ярослав – под своим крестильным именем: «Особенно же помолись о сыне твоем, благоверном кагане нашем Георгии…» Носили ли титул кагана Игорь и Святослав? У Илариона дело представлено так, как будто этот титул владыки Руси приобрели вместе с крещением, что выглядит странно само по себе и противоречит Вертинским анналам, согласно которым властители руси обзавелись титулом кагана еще за пару веков до Илариона и задолго до всех гипотетических ранних крещений Руси. Если, конечно, в тех анналах речь шла о кагане руси, а не правителе этого народа по имени Хакан[22], что совсем не невозможно с учетом того, что сами послы этого народа оказались скандинавами. К сожалению, сочинители (или правщики) ПВЛ полностью дезавуировали этот вопрос, повсеместно и последовательно переименовав всех «каганов» руси в «великих князей». Дурные примеры заразительны, им последовали современные переводчики «Слова о законе и благодати», в результате чего в его общедоступных переводах на современный русский язык каганов уже не встретить: и Владимир и Ярослав числятся там привычными для нас великими князьями. Никакого уважения к «Слову…» митрополита!

С другой стороны, можно ли судить о титулах Игоря и Святослава по «Слову о законе и благодати», где упомянуты только их имена, да и те лишь единожды вскользь? Такая мимолетность упоминания дает основания для сомнений в том, что Иларион располагал какой-либо содержательной информацией о прямых предках Ярослава и Владимира, например,

[22] Подробнее об этом см. *В. Егоров.* Между варягами и греками. (Авторский сайт www.ipiran.ru/egorov)

на основании княжеских архивов или хотя бы местной устной традиции. Это может прозвучать парадоксально, но то ничтожно малое, что мы находим у Илариона об Игоре и Святославе, митрополит мог выудить исключительно из доступных ему византийских хроник и других документов на греческом языке, как раз активно переводимых в Киеве во время правления Ярослава и при прямом участии самого́ Илариона. Другими словами, впервые «опубликованная» Иларионом генеалогия правителей Руси могла быть составлена на основании переведенных им и его «ведомством» византийских документов. Греки не знали ни Кия с братьями, ни Аскольда с Диром, ни Вещего Олега. Разумеется, Рюрика с Гостомыслом тем более. Потому эти персонажи ПВЛ не смогли попасть в генеалогию Илариона, и родословная каганов рода русского началась у митрополита только с Игоря – самого раннего известного византийцам повелителя Руси.

Действительно, Игорь, Ольга и Святослав – первые правители руси, имена которых зафиксированы византийскими документами. Что знали о них греки? Очень мало. В середине X века Константин Багрянородный называет «сидящего в Немогарде» Святослава ((Σφενδοσθλαβος) «сыном Ингора (’Ιγγωρ), архонта Росии (‘Ρωσια)». Правда, в одном из существующих переводов Багрянородного на русский, притом самом раннем, Святослав назван братом Игоря, и только в последующих переводах он становится сыном. Не имея оригинала, невозможно сказать с уверенностью, исправили ли переводчики свою ошибку или прислушались к «Слову…» митрополита и «поправили» императора. Конечно, на Руси собственный митрополит главнее и потому правее любого заморского императора. Хотя, как мы уже отметили, сам Иларион в своей генеалогии словно бы уходит от вопроса об отцовстве Игоря. Примерно в это же время Лиутпранд Кремонский называет «короля русов» Ингера (Inger) предводителем руси, атаковавшей Константинополь в 941 году, что вполне соответствует приключениям князя Игоря в ПВЛ. Византийский историк Лев Диакон, излагая события русско-византийских войн рубежа 60-х и 70-х, пересказывает адресованное лично Святославу предостережение императора Цимисхия впредь не повторять ошибки своего отца Ингора.

Таким образом, казалось бы, у греков не вызывает сомнений отцовство Игоря по отношению к Святославу. Но… тот же Константин Багрянородный, описывая в своем трактате «О церемониях византийского двора» визит в Константинополь «архонтиссы Эльги», неожиданно называет Святослава не сыном, а племянником *(анепсием)* гостьи. И сразу возникает куча вопросов. Но все вопросы о действительном родстве Ольги и Святослава мы оставим на потом, а здесь пока что ограничимся реакцией Илариона. Что, Иларион не знал об этом казусе? Намеренно игнорировал его? Или наоборот, знал и очень серьезно отнесся к сообщению Константина, вследствие чего выстроил свою генеалогию двусмысленно и не внес в нее Ольгу? Ведь если Константин не ошибался, то посетившая Константинополь с визитом «архонтисса» Руси, будучи бабкой Владимира, являлась всего лишь теткой Святослава и следовательно не имела отношения к прямой ветви наследования царствовавших каганов рода русского «по Илариону».

Разумеется, сведения Константина резко противоречат ПВЛ, в которой Константинополь почтила визитом сама «великая киевская княгиня» Ольга, вдова Игоря и мать Святослава, правда, почему-то забыв прихватить с собой царственного дитятю. Как бы то ни было, нельзя пройти мимо того поразительного факта, что бабка восхваляемого Иларионом «великого кагана Владимира» и «великая киевская княгиня» ПВЛ, более того, будущая равноапостольная святая (!), не попала в митрополичью генеалогию властителей Руси. Факт необъяснимый.

На самом деле нет ясности и в отношениях родства между Святославом и Владимиром. Сочинители ПВЛ, не смея перечить Илариону, были вынуждены признать Владимира сыном Святослава, но почему-то, словно стараясь «подстелить себе соломку», сделали его незакон-

норожденным. Может быть оно и так, но в этом невольно заставляет усомниться запутанная хронология ПВЛ. В ней нет данных о времени рождении крестителя Руси, есть только год смерти – якобы 1015, хотя эта дата варьируется в разных летописях. Тем не менее все источники, включая европейские, сходятся на том, что умер креститель Руси в почтенном, если не преклонном возрасте. Допустим, лет в шестьдесят пять, что в те времена действительно считалось возрастом преклонным. Тогда, отталкиваясь от даты кончины, несложно высчитать, что родился Владимир где-то в середине X века. Поскольку по хронологии ПВЛ Святослав появился на свет в 942 году, то, выходит, своего младшего (!) внебрачного сына он заимел в возрасте примерно восьми лет. Стало быть, старших «законных» сыновей – того раньше, едва ли не в колыбели.

Ну да, конечно, Святослав был мужчина хоть куда, ходил «на вы», ночевал в открытом поле, закусывал сырым мясом, но чтобы стать многодетным отцом в малолетстве… Оттого некоторые исследователи ПВЛ, знакомые с азами арифметики, давно высказывали естественное предположение, что Владимир был не сыном Святослава, а его младшим братом. Проверить это невозможно. Византийские историки как-то не озадачились выяснением степени родства Святослава и Владимира, предоставив тем самым полную свободу авторам ПВЛ, и те, покорно следуя указующему персту Илариона, превратили Владимира в сына Святослава, утаили дату его рождения, но все же, возможно намекая на запретную правду, сделали этого «ненастоящего» сына незаконнорожденным.

Не обязанная следовать ни фиктивной генеалогии Илариона, ни фальшивой хронологии ПВЛ, народная память в былинах и сказках признала Владимира самым ранним великим правителем древней Руси, первым киевским князем, которому служили все былинные богатыри, и наделила уникальным эпитетом «Красно Солнышко». Не слишком ли большая честь и блестящая биография для бастарда? Дело усугубляется тем, что ПВЛ старательно обошла вопрос о законности «законных» сыновей Святослава, не назвав ни жен князя, ни времени рождения у них якобы легитимных наследников великокняжеской власти. А ведь если Святослав и Владимир были братьями, то получает разумное объяснение тот странный факт, что не сыновья Святослава в качестве «законных» наследников, а «незаконнорожденный» Владимир в конечном счете принял власть над Киевской Русью, стал каганом, и что за него сам византийский император посчитал возможным отдать замуж свою сестру. Все ставит на свои места бытовавшее в те времена на Руси лествичное право, согласно которому власть наследовалась в первую очередь не сыновьями, а братьями в порядке их старшинства.

«Слову о законе и благодати» не суждено было остаться последним словом в генеалогии каганов рода русского. Его творчески развили авторы ПВЛ, конструируя свою историю царствующего дома. Но в своем творчестве они не могли проигнорировать официально объявленную высшей церковной властью цепочку наследования и вынужденно впихивали свой беллетристический сюжет в прокрустово ложе генеалогии Илариона, что породило многочисленные логические и хронологические нестыковки в ПВЛ. В итоге получилась корявая, но хорошо знакомая нам из курса родной истории цепочка первых верховных правителей древней Руси от Рюрика до Ярослава Мудрого.

В этой цепочке есть знаковый рубеж – крещение Руси. На этом рубеже заканчивается мифология ПВЛ, и с этого рубежа начинается собственно история Киевской Руси, история письменная и более-менее достоверная, по крайней мере настолько же достоверная, насколько достоверны средневековые истории других европейских стран. Только с этого рубежа, с момента обретения Киевской Русью государственного языка и письменности, можно говорить о летописании, и рубеж этот практически совпадает с рубежом тысячелетий: первое по-настоящему летописное известие в ПВЛ (на самом деле вероятно в летописце Сильвестра) относится ровно к тысячному году. Это краткая синодическая запись: «Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава». Постараемся

запомнить эту первую летописную запись или хотя бы первую коротенькую фразу в ней «Преставилась Малфрида».

Однако настало время предметно поговорить о титуле «ольг», который носили практически все поголовно предводители начальной руси X века[23]. Под этим «именем», а на самом деле титулом, в истории Руси IX – X веков фигурируют Вещий Олег, некий Олег II, Олег Моравский, Олег Древлянский, «княгиня» Ольга и ее муж Игорь, тоже названный Олегом *(х-л-гу)* «Кембриджским анонимом». Этот титул, известный нам в форме имени «Олег», произошел, согласно общепризнанному мнению, от древнескандинавского слова helgi – «святой, священный». Наверняка не случайно в своем исходном древнескандинавском значении титул «ольг» близок к титулу «священного» верховного хазарского правителя «каган». Сакральность не просто сближает эти два титула, но делает их эквивалентными для начальной скандинавской руси. В своем германоязычном окружении «для внутреннего пользования» владыки начальной руси титуловали себя helgi-ольгами, а для «внешних сношений» использовали более известный в остальном мире титул кагана. Поэтому в ПВЛ мы встречаем исключительно ольгов и ольг, но в Вертинских анналах видим «кагана народа Рос», а у арабских авторов – исключительно «кагана-рус».

Наглядное доказательство эквивалентности и конвертируемости титулов «ольг» и «каган» у начальной руси дает нам «Кембриджский аноним», в котором предводитель руси назван *х-л-гу,* то есть helgi-ольгом в передаче на иврите. Почему-то все комментаторы «Анонима» упорно полагают это *х-л-гу* **именем** владыки руси, а именно Вещего Олега, и не могут связать концы с концами, так как Олег ПВЛ ко времени написания хазарского документа уже давно наступил на свою змеюку и «могильной засыпался землею». Дело дошло до того, что в истории Древней Руси замаячил некий Олег II. Но на самом деле все гораздо прозаичнее. Наивно ожидать встретить личное имя предводителя чужого народа, мельком по случаю упомянутого в «Кембриджском анониме», то есть не хронике, а документе, написанном с совершенно иной целью и о совершенно иных событиях. Здесь гораздо более вероятен **титул** чужеземного правителя, а не его личное имя, которое с точки зрения существа и формы документа было абсолютно неважным, да и, скорее всего, вообще неизвестным его анонимному автору.

В этом плане чрезвычайно показательно сопоставление текстов из «Анонима» и ПВЛ. **Русский «царь Х-л-гу»** хазарского документа (внимание!) выглядит буквально зеркальным отражением **хазарского «князя Кагана»** ПВЛ: «Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим **князем Каганом** [выделено мной. – *В.Е.]* и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар…»[24]. Полностью идентичные триады «русский царь *Х-л-гу»* и «хазарский князь Каган» – триады с совершенно одинаковой грамматической структурой и семантической начинкой, – во-первых, прямо демонстрируют типологической симметрией слов *Х-л-гу* и «Каган», что *х-л-гу* «Анонима» есть не имя, а титул[25], а во-вторых, косвенно подтверждают постулируемую мной эквивалентность титулов helgi-ольга и кагана.

Крайне важно обратить внимание на еще один нюанс. Если *х-л-гу* не личное имя, а титул, то «Кембриджский аноним» оказывается единственным документом кроме ПВЛ, называющим не внешний, а внутренний титул правителей руси. И понятно почему. Анонимный автор письма, будучи хазарином и чиновником государственного аппарата хазарского кагана, не мог, не имел права, просто не посмел называть чужого властителя каганом и потому в отличие от других «иностранных» авторов, в том числе соседей-арабов, восполь-

[23] Более подробно о само́м титуле в приложении «Как возникла начальная русь?».

[24] Практически то же самое встречаем у Матвея Парижского, по словам которого, в 1235 году сарацинские послы сообщили королю Франции, что «на их страны обрушилось племя «чудовищных людей» [татаро-монголов. – *В.Е.]* во главе с князем по имени Хан…». (Цитата из: *Ю.Н. Денисов.* Кто заказал татаро-монгольское нашествие? М., 2008).

[25] Иврит не имеет прописных букв, как не имел их и кириллический устав ПВЛ.

зовался альтернативным, а именно внутренним титулом властителей руси. Византийцы в этом плане действовали в целом так же, разве что смелее и безапелляционнее. Они тоже отказывали владыкам руси в праве на титулы императора или кагана, считающегося эквивалентным императорскому, но не утруждали себя выяснением их собственных внутренних титулов и регалий и потому не церемонясь именовали всех их без разбору архонтами[26].

Таким образом, Вещий Олег ПВЛ – это просто некий безымянный **ольг** руси с тавтологическим усилением его титула «святой, священный». Подобно тому, как «Кембриджский аноним» не мог назвать владыку руси каганом и воспользовался «внутренним синонимом», так и сочинители ПВЛ не могли придать язычнику ольгу именно эти по точному переводу эпитеты, получившие в христианстве вполне определенный смысл святости и священства, и потому заменили их языческим жреческим эквивалентом «вещий». Другое дело, что потом они сами обесценили свою удачную замену наивной попыткой обосновать «прозвище» сказкой про отравленное вино, которым византийцы безуспешно попытались отравить Олега. Сказка получилась дурацкой, демонстрирующей не столько «вещность» Олега, сколько идиотизм византийцев, то есть на самом деле убогость выдумки сочинителей ПВЛ. Ведь отравление Олега, удайся оно, привело бы не к желанному для греков миру, а к прямо противоположным последствиям: очевидному срыву уже начатых по инициативе самих перепуганных византийцев мирных переговоров и возобновлению осады Константинополя с последующей беспощадной местью руси вероломным отравителям ее предводителя!

Итак, великий киевский князь Вещий Олег ПВЛ на самом деле… не был великим князем, не бывал в Киеве, не имел прозвища «Вещий», и звали его никак. Совершенно неисторическая личность. Быть может, просто некий собирательный образ ольгов начальной руси. Что же до титулов князей и княгинь, простых и великих, то их ко всем правителям древней Руси, то есть ольгам-каганам, задним числом пристроили сочинители и правщики ПВЛ. То, что титул «князь» не был повсеместно в ходу на Руси даже во времена Владимира Мономаха, то есть на рубеже XI – XII веков, демонстрирует так называемый «черниговский змеевик», донесший до нас один из самых древних кириллических текстов, в котором верховный правитель Руси назван по-гречески архонтом. Но об этом змеевике у нас еще будет повод поговорить предметно.

По той же причине «княгиня» Ольга – никакая не княгиня. На самом деле она **ольга** «по должности», по статусу внутри самой руси, она же **каганесса** для всего внешнего мира кроме Хазарии и Византии, где этот титул за ней не признавали, и **архонтисса** для византийцев. Другими словами, просто верховная правительница руси. В отличие от мифического Вещего Олега у нее, личности вполне реальной, было, согласно Иоакимовской летописи, вполне реальное личное имя «Прекраса». А может быть *Фрида,* что то же самое означает по-древнескандинавски. Предположение не беспочвенно. Если матерью Владимира Крестителя в ПВЛ вырисовывается Мулуша, она же *Ма**Африда**,* – та самая, синодической записью 1000 года о смерти которой началось русское летописание (мы эту запись «Преставилась Малфрида» специально запоминали!), – то почему его бабкой не могла быть тоже ***Фрида**,* как ее должна была называть русь в своей германоязычной среде, она же Прекраса в переводе для их подданных-славян?

И еще одно замечание в пользу нашей гипотезы. Поскольку ни Олег, ни Ольга не фигурировали в генеалогии Илариона, авторы ПВЛ не только не смогли наделить их личными именами, но и вынуждены были поставить вне канонической династической цепочки наследования, поместить как бы сбоку, сделав Олега «родичем», а Ольгу «женой» династа Игоря.

---

[26] Слово «архонт» (αρχων) по-гречески означает властителя, начальника вообще (от αρχη – «начало, власть»). Оно применялось греками к правителям прочих стран и народов, чьи реальные варварские титулы «просвещенных» греков не шибко интересовали.

По логике вещей, именно Ольга положила начало традиции повсеместной замены в письменных документах личного имени владык руси титулом «ольг» с ретроспективным превращением его фактически в родовое имя. Можно догадываться, что, заняв после гибели Игоря, правдами или неправдами, мужнино и мужское место русского ольга, она исключила из постоянного употребления свое личное женское имя, будь то Прекраса или Фрида, и повсеместно заменяла его титулом, который тем самым приобрел значение имени. Так внутри руси она стала helg'ой-Ольгой (сочинители ПВЛ сделали ее великой княгиней Ольгой), а во время своего константинопольского визита представлялась, вероятнее всего, каганессой Эльгой. «Эльгу» греки приняли, и под этим именем она упоминается у Константина Багрянородного. А вот с «каганессой» номер видимо не прошел. Не исключено, что именно «каганесса» вызвала недовольство греков и послужила одной из причин протокольных проволочек по прибытии Ольги в Константинополь, а также предопределила неудачу визита в целом. В конечном счете, разумеется, византийские чиновники настояли на своем, и при дворе Константина Ольгу принимали не как «каганессу», а как «архонтиссу».

Итак, сконструированная авторами ПВЛ последовательность правителей древней руси (Рюрик → Олег → Игорь → Ольга → Святослав → Владимир → Ярослав) очевидно базируется на генеалогии Илариона (Игорь → Святослав → Владимир → Ярослав), но удлиняет ее в мифологическую древность добавлением трех новых «князей». Если исключить случайно попавшего в их число «новгородского» Рюрика, то добавка ПВЛ оказывается весьма симптоматичной: два новых «киевских» персонажа, Вещий Олег и Ольга, – оба **ольги русские**, то есть на самом деле правители руси, носившие титул «ольг» (в женском варианте «ольга»). Авторы ПВЛ даже не стали придумывать им имена, дополнительные ольги так и остались безымянными.

Ну, вот, теперь мы, разобравшись с титулами, готовы взглянуть на всех персонажей ПВЛ, «скованных одной цепью» наследования верховной власти в древней Руси, под новым углом зрения. Вряд ли стоит уделять внимание такому чисто мифическому персонажу, как «князь Рюрик». Здесь просто нет предмета обсуждения. Его анкета совершенно пуста: «*не был*», «*не ходил*», «*не участвовал*», – в конечном счете просто «***не существовал***». Даже сама ПВЛ не оставила нам никаких зацепок в отношении деятельности «князя». Абсолютно не известный мировой истории Рюрик не фигурировал в византийских хрониках и, как следствие, не мог попасть в генеалогическую цепочку Илариона. Поэтому сочинители ПВЛ, удревляя сюжет своей повести на основе новгородских преданий, вынужденно отталкивались от самого первого властителя по версии Илариона, Игоря Старого, и сделали Рюрика его отцом. Не будем пенять им за это – для них это было самым простым, если не единственным выходом. Знали бы они, что эта простота ненароком породит целую династию, «династию Рюриковичей»!

Ольг Олег

Победой прославлено имя твое;
твой щит на вратах Цареграда.
Но примешь ты смерть от коня своего.

А. Пушкин. «Песнь о Вещем Олеге»

Первая достойная внимания фигура в череде первых властителей древней Руси по версии ПВЛ – Вещий Олег. Он persona incognita для греков, хотя с легкой руки авторов ПВЛ его щит якобы покрасовался «на вратах Цареграда» и об этом благодаря Пушкину знает каждый мало-мальски образованный россиянин. Жаль только, что об этом так и не узнали жители Константинополя. Не потому ли, что имя Олега прославлено вовсе не никем не замеченной и не отмеченной победой под стенами Константинополя, а только и исключительно сочинителями ПВЛ и пошедшим у них на поводу Александром Сергеевичем?

Вещий Олег, а на самом деле некий безымянный персонаж ПВЛ, – это, скорее всего, собирательный образ ольгов начальной руси, введенный в ПВЛ «киевлянином-краеведом» в процессе его «плетения сюжетов» в качестве удачливого alter ego неудачника Игоря[27]. В конечном счете вся гиперактивная деятельность Олега на страницах ПВЛ – это смесь похождений героев скандинавских саг с ретроспективным воспроизведением деятельности реальных более поздних владык руси, в первую очередь Игоря, но с характерной закономерностью: Олег повторяет все неудачные предприятия Игоря, и всякий раз с неизменным успехом.

Самая яркая сказочная составляющая «биографии» Вещего Олега – предсказание кудесником гибели от собственного коня и последовавшая смерть от укуса змеи из конского черепа – взяты едва ли не дословно из саги об Одде-Стрелах (Örvar-Odds saga). Одду прорицательница предрекает смерть от своего коня. Такую же кончину кудесник предсказывает Олегу. Чтобы избежать предначертанной гибели, Одд убивает коня. Олег после предсказания расстается со своим боевым другом и больше никогда не садится на него. Одд много путешествует по свету, посещает Бьярмию, Финнмарк и Грецию. Олег вместе с Рюриком приходит в соседящий с Финнмарком и Бьярмией Новгород, а потом совершает поход на Царьград. Одд женится на дочери великого конунга, разбивает его врагов и расширяет границы земель, а после смерти тестя наследует правление большой и богатой страной. Олег, породнившись с Рюриком и убив Аскольда и Дира, становится правителем Киевской Руси и расширяет ее пределы. Одд возвращается домой, и змея, выползшая из черепа его коня, исполняет пророчество. Точно такая же смерть настигает Олега.

Подобно Кию, Аскольду и Диру Вещий Олег не известен никому в мире кроме авторов ПВЛ. Вплоть до того, что византийские хронисты прозевали нападение на них флота в две тысячи (!) кораблей и не заметили приколоченный к воротам их столицы чужой щит. Византийские источники хранят полное молчание не только о славном походе Вещего Олега, но и о нем самом. Ни мировой нарратив за рамками ПВЛ, ни археология не оставили нам ни малейшего вещественного следа кипучей деятельности «вещего князя». По утверждению ПВЛ, Олег правил в Киеве целых 33 года; но в киевской земле нет следов его деятельности, нет и намека на «город Олега», хотя на якобы полученную с Византии контрибуцию можно было

[27] Более предметно об этом см. «Читая «Повесть временных лет» *(В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

отстроить второй Константинополь. Правда, ПВЛ утверждает, что Олег чем-то подобным занимался, «ставил города», но на территории Киевской Руси археологи не нашли ни одного (!) города, возникшего во времена летописного Олега. А ведь ПВЛ называет конкретные подвластные Олегу города. Князь, приколотив щит к царьградским воротам, взял с греков дань для Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча, не считая «других городов», очевидно тех, которые он «поставил». Но… все вышеперечисленные города археологически возникли только лет через 70 – 80 после того как коварная змеюка дождалась своего часа в конском черепе.

В итоге куда ни кинь везде одни фантомы – уцепиться абсолютно не за что.

На самом деле поход Олега из Новгорода на Киев и основание «матери городам русским» в ПВЛ, – это ретроспективная копия такого же похода будущего создателя и крестителя Киевской Руси, поставившего на днепровских кручах «город Владимира», из которого действительно выросла столица Киевской Руси. Сюда же можно было бы отнести и цареградскую кампанию как отражение двух военных предприятий Руси против Византии при Игоре и Ярославе Мудром. Однако именно здесь таится осложняющий ситуацию с Олегом нюанс, из-за которого нельзя априори со спокойной совестью вычеркнуть, подобно Рюрику, «вещего князя» из русской истории. В ПВЛ, в статьях за 907 и 912 годы, имеются копии договоров Вещего Олега с Византией. Правда, сейчас историки склоняются к мнению, что в действительности был только один договор, подписанный в 911 году, но отнесенный в ПВЛ к 912 году, а договор 907 года представляет собой фальшивку, скомпилированную сочинителями ПВЛ из других договоров Руси с Византией. Однако их комментарии к этому договору в статье за 907 год вполне могли отражать действительные события, предшествовавшие заключению договора 911 года. Так что договор 911 года, «список» с которого оказался в ПВЛ, – это единственный важный документ и единственный серьезный аргумент в пользу реальности существования Вещего Олега, настолько серьезный, что невозможно просто отмахнуться от него и пройти мимо.

Авторы ПВЛ не объясняют, откуда они взяли этот договор или, точнее, «список» с него и приписывают текст договора лично Вещему Олегу[28]. На самом деле структура договора в целом, текст отдельных параграфов и построение фраз характерны для византийских документов такого рода и того времени, из чего следует, что авторами текста всех положений договора все-таки были византийские дипломаты. В лучшем случае к некоторым параграфам есть краткие дополнения с русской стороны. Другого и не могло быть, поскольку византийские императоры могли подписать только документ, формулировки которого родились в недрах константинопольской канцелярии.

Первый наиважнейший вопрос: какое отношение данный «список» и сам договор, со всей очевидностью составленный греками, имеют к Вещему Олегу? Сочинители ПВЛ приписали договор ему, но мы не обязаны верить тому, кто не раз и не два откровенно нас обманывал. В самом тексте «списка» имя Олега упоминается один-единственный раз, в его преамбуле: «Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, светлых и великих князей, и его великих бояр…» Больше имя верховного правителя Руси в договоре не встречается, а это единственное упоминание Олега более чем сомнительно.

Сомнения порождаются уже тем, что Олег именуется великим князем, как и все последующие владыки Киевской Руси в ПВЛ. Однако мы теперь знаем, что его ближайшие преемники, и тем более предшественники, князьями не назывались, а носили титул ольгов, но во внешних сношениях именовались каганами. Византийцы же величали их исключи-

[28] Более подробный анализ этого договора в приложении «Как возникла начальная русь?».

тельно архонтами. Великим князьями всех их скопом задним числом волюнтаристски обозвали правщики ПВЛ. Без сомнения то же самое было проделано в отношении Олега. Это предположение превращает в уверенность чрезмерное усердие авторов ПВЛ, вследствие которого после переименования ими безымянного ольга руси в «Олега, великого князя русского» (внимание!) **под рукой** этого «великого князя Олега» **оказались другие великие князья**! Эта чушь, усугубляемая «великими боярами», дает нам основание не мудрствуя лукаво твердой рукой выбросить из текста договора явно вставленные задним числом правщиками ПВЛ слова «великого князя». Тогда получившийся в результате такой вивисекции предположительный оригинальный текст: «…посланные от **ольга русского** и от всех, кто под рукою его…» превращается в еще одно косвенное подтверждение гипотезы об ольгах русских как верховных правителях начальной руси.

Не задаваясь целью анализировать по пунктам правовые аспекты договора 911 года, а лишь пытаясь выудить хоть какую-нибудь информацию о высоких договаривающихся сторонах, сразу перейдем к последнему параграфу, чрезвычайно интересному, который сто́ит привести целиком:

«В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях – царя вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною троицею единого истинного бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

В этом абзаце, со всей очевидностью дописанном русской стороной, бросается в глаза удивительная двойственность руси. С одной стороны, русь противопоставляет себя христианам, то есть византийцам, что предполагает ее язычество, но, с другой, сама дает клятву «предлежащим честным крестом и святою единосущною троицею». Она клянется «по своей вере и своим обычаям», надо думать, языческим, но при этом признает православного «единого истинного бога» и божественность византийских императоров. Русь здесь странным образом попеременно предстает то языческой, то ортодоксально христианской. Эта поразительная двойственность начальной руси в договоре 911 года откровенно проигнорирована историками, проигнорирована вероятно потому, что она совершенно не вписывается в контекст ПВЛ и, как следствие, всю опирающуюся на нее историю начальной руси. Поэтому об этом феномене нам еще придется порассуждать отдельно. А пока вернемся к «Иванову написанию».

Итак, договор 911 года был написан в двух экземплярах. Не слишком внятный текст ПВЛ хочется понимать таким образом, что один исходный текст договора, экземпляр «царя вашего», был написанным по-гречески византийскими дипломатами оригиналом, в чем дополнительно убеждает дата по византийскому индиктовому календарю, а второй, писанный «своею рукою» неким «Ивановым написанием», представлял собой перевод исходного текста на язык руси, возможно, с добавками русской стороны по отдельным пунктам. Я нарочно во избежание недоразумений говорю о **языке руси**, а не о **русском языке**. До сего дня никто внятно не ответил, более того, даже не пытался ответить на естественный вопрос: что же это за такое загадочное «Иваново написание» и, уж тем более, какой прятался за ним язык? Более того, отечественные историки всячески замалчивали и дезавуировали саму правомочность такого вопроса. Так, Б. Рыбаков в полемике с норманистами утверждал[29]:

[29] *Б.А. Рыбаков.* История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1975.

«Договор 911 года, заключенный от имени Олега и содержащий около десятка скандинавских имен олеговых бояр, написан не на шведском, а на славянском языке». Как видим, академик не погнушался откровенной ложью. Ведь на самом деле договор был написан не на шведском (которого в то время еще и не было!) и не на славянском языке (такого языка, кстати, тоже не было), а, как сказано в само́м договоре, «ивановым написанием». О языке как таковом в договоре нет ни слова. Между прочим, как и о невесть откуда взявшихся у Рыбакова «боярах».

В свое время[30] я поддержал предположение С. Ляшевского, что таинственное «Иваново написание» может быть вариантом греческого алфавита для языка крымских готов, созданного в VIII веке епископом св. Иоанном Готским[31]. Это предположение и сегодня, кажется, остается единственным более-менее разумным фигурирующим в вольном Интернете. Что же касается языка начальной руси, то ответ нам дают Вертинские анналы, имена членов посольства руси в Константинополь 907 года в ПВЛ и Константин Багрянородный русскими названиями днепровских порогов[32]. Ответ этот однозначен: **русский язык IX – X веков был языком древнескандинавским**. А каким еще мог быть язык послов русского кагана, которого следователи Людовика Благочестивого в 839 году признали **своими**? Каким мог быть в 907 году язык таких же послов русского ольга **Ингельда** с именами **Фарлаф, Веремуд и Рулав**? Конечно тем же самым, на котором в середине X века звучали названия днепровских порогов **по-русски** у Константина Багрянородного – со всей очевидностью древнескандинавским!

Надо полагать, гипотетический алфавит Иоанна Готского вполне сгодился для близкородственного готскому древнескандинавского языка, который и был в ту пору языком «рода русского». У начальной руси имелась возможность воспринять этот удобное для нее «написание» в Крыму, где скандинавы симбиотически слились со своими языковыми родственниками – давно прижившимися там готами-христианами[33], имевшими даже свою епархию, впоследствии доросшую до ранга митрополии, и традицию оригинальной письменности, восходящую еще к IV веку, к алфавиту Ульфилы с его переводами на готский язык некоторых книг Библии.

Все независимые свидетельства, как византийские, так и хазарские, однозначно указывают на то, что Игорь имел морскую базу где-то в восточном Крыму или на Тамани. В Керченском проливе он в 941 году начал свои военные предприятия нападением на хазарский город Самкерц и туда же бежал после разгрома его флота византийским. Эту базу унаследовал Святослав, судя по тому, что Иоанн Цимисхий потребовал от него покинуть Болгарию и возвратиться «в свои владения к Босфору Киммерийскому», то есть все к тому же Керченскому проливу. Святослав мог существенно расширить контролируемые русью зоны черноморского побережья в результате своей хазарской кампании. Византийский хронист начала XII века Иоанн Скилица в связи с нападением руси на Константинополь 860 года писал: «Все лежащее на берегах Евскина [Черного моря. – *В.Е.*] и его побережье разорял и опустошал в набегах флот росов (народ рос – скифский, живущий у северного Тавра, грубый и дикий)». Как видим, Скилица прямо говорит, что русь обитала «у северного Тавра», а северным Тавром греки называли горную цепь западного Кавказа и ее продолжение дальше на запад – Крымские горы. А вот еще слова Евстафия Фессалоникийского: «К северу от Истра живут следующие племена: германцы, сарматы, геты, вастарны… тавры или росы,

---

[30] *В. Егоров.* Русь и снова Русь. М., 2002.

[31] Ляшевский даже указывает, ссылаясь на Н. Карамзина, точную дату – 790 год.

[32] См. «Читая Константина Багрянородного». *(В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

[33] Об этом симбиотическом слиянии более подробно в приложении «Как возникла начальная русь?».

живущие около Ахиллова Бега…», – то есть русским был берег от устья Днепра до Крыма, хотя мы и не знаем, к какому конкретно времени относятся эти слова Евстафия.

В рассматриваемом нами договоре 911 года косвенно на Северное Причерноморье указывает специальный параграф, в котором подробно оговариваются формы взаимопомощи греков и руси выброшенным бурей на берег кораблям, что конечно же бессмысленно для Киевской Руси и любого другого внутриконтинентального государства.

О спорной принадлежности территории в устье Днепра, руси или херсонским грекам, говорит аналогичный договор Игоря. Вероятно одной из побочных целей болгаро-византийской кампании Святослава было окончательно решить этот застарелый спор в пользу руси, «живущей возле Ахиллова Бега». Святославу это не удалось, и его наследник Владимир вновь был вынужден вернуться к этому вопросу осадой таврического Херсона.

Как мы знаем из византийских источников, со своей секретной миссией к Святославу Калокир направился не куда-нибудь, а именно сюда, в тот же самый Херсон. Наконец, неподалеку, на Белобережье, Святослав вынужденно зимовал, будучи выгнан Цимисхием из Болгарии, и, весьма вероятно, там же нашел свой конец, если, конечно, не клюнуть на сказки ПВЛ о гибели князя на днепровских порогах и чаше из его черепа у хана Кури, кстати говоря, так же не известного мировой истории, как и мифический Вещий Олег.

В процитированном последнем параграфе договора 911 года послы руси, подписывая договор, «скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною троицею единого истинного бога вашего». Невнятность текста ПВЛ допускает два различных толкования. По первому послы руси, не будучи все поголовно искушенными в «Иванове написании», просто поставили под договором кресты вместо подписи. В конце концов в те не слишком просвещенные века, обычно называемые средними, даже короли подписывали государственные документы простым крестиком. По второму, к которому склоняет упоминание «единосущной троицы», русь, по крайней мере в лице своих послов, была крещеной. Вновь наперекор выдумкам ПВЛ. Но на самом деле здесь мы видим отражение уже отмеченного нами ранее важного факта этнической и, как следствие, конфессиональной двойственности начальной руси в начале X века.

Еще один интересный нюанс договора. Вело переговоры и заключало договор с Византией не государство Русь, киевская, новгородская или какая-либо еще, а некий абстрактный «род русский» («Мы от рода русского…» в начале текста). Послы представляют не страну Русь, не государство, а род, племя «русь» (некоторые российские историки любят говорить о неком социуме, этно-социальном слое) и его верховного правителя – ольга русского, переименованного авторами ПВЛ, наряду с другими ольгами-каганами, в «великого князя» и нареченного Олегом. В тексте договора нет упоминания ни конкретной территории Руси, ни ее границ, ни городов. Авторский комментарий компиляторов ПВЛ в статье 907 года, в котором названы города, на которые якобы Олег взимал с греков контрибуцию, не стоит и ломаного гроша. Из перечисленных там городов археологически, то есть вполне объективно, Переяславль возник в самом конце X, а Любеч и Ростов – только в начале XI века. В 907 году, вообще во время правления Вещего Олега по хронологии ПВЛ, их просто-напросто не было. Да и сам Киев в начале X века еще не стал столицей Древней Руси и не мог быть резиденцией ее верховного правителя.

Таким образом, представляется наиболее вероятным, что рассматриваемый договор 911 года был заключен между Византией и какой-то причерноморской русью, возможно владыками некого черноморско-азовского полюдья, причем со стороны руси известны имена послов, имена безусловно германского происхождения, но верховный правитель этой руси в договоре остался безымянным. Если принять предложенный выше оригинальный восстановленный текст договора: «…посланные от ольга русского и от всех, кто под рукою его,

владык руси…», то безымянный верховный правитель той причерноморской руси ограничился титулом «ольг».

Может быть, этого ольга руси звали Ингельдом, так как именно это имя стоит первым в перечне скандинавов-подписантов в преамбуле договора 911 года, и в то же время этот Ингельд, единственный из этого списка скандинав, не был участником константинопольского посольства 907 года. Два этих факта в совокупности предполагают высокий статус и, возможно, почтенный возраст Ингельда. Также сто́ит обратить внимание на само имя, в котором первый компонент «Инг-» одинаков с первым компонентом имени следующего за Вещим Олегом правителя руси по версии ПВЛ Игоря *(**Инг**вар),* а второй компонент «-ельд» совпадает со вторым компонентом имени бессменного «воеводы» Игоря и его преемников Свен***ельд***а.

Попутно можно заметить, что Свенельд был на самом деле больше чем простым воеводой. О более высоком положении Свенельда можно судить по меморандуму 971 года, подписанном Свенельдом как сподвижником Святослава, а не его подчиненным. Это же косвенно подтверждают авторы ПВЛ, проговариваясь о кровавых разборках детей Свенельда и Святослава, в которых обе стороны фактически выступают на равных.

Итак, договор 911 года нельзя считать доказательством реальности Вещего Олега как конкретной исторической личности. Будучи в какой-то мере собирательным образом ольгов древней руси, в какой-то мере удачливым дубликатом неудачника Игоря, этот персонаж ПВЛ также нашел отражение в древнейшем герое русского фольклора Вольге (Волхе) Всеславьевиче, былины о котором сложились, по авторитетному мнению российского фольклориста В. Проппа, «задолго до образования Киевского государства». В вопросе об этимологии имени героя Пропп выбирает наиболее удобный для себя вариант: «Имя героя, Волх, указывает на то, что родился великий кудесник, волхв», оставляя без внимания гораздо более распространенный в былинах вариант «Вольга», который прямо указывает на исторические прототипы героя былин – русских **ольгов**, собирательным образом которых в ПВЛ стал Вещий Олег, а в былинах – Вольга Всеславьевич.

Касаясь вопроса об идентичности былинного Вольха и Вещего Олега ПВЛ, В. Пропп писал: «Большинство ученых с полной уверенностью утверждало, что Волх этой былины не кто иной, как Олег. Такая точка зрения должна быть признана совершенно фантастической. Поход Волха на Индию отождествлялся с походом Олега на Царьград, хотя в походе Волха, описанном в былине, нет… буквально ничего, похожего на поход Олега, каким он описывается в летописи». На самом деле, вопреки Проппу, у Вольги Всеславьевича и Вещего Олега много общего. В былине Вольга предстает «чародеем» по той же са́мой причине, по которой в ПВЛ Олег оказывается «вещим». Оба героя выдуманы, выдуманы и их походы, Вольги в Индейское царство, а Олега – на Царьград, и эти две выдумки, именно как выдумки, вовсе не обязаны быть точными копиями друг на друга. Но образы обоих собирательны и несут одну и ту же идею, что точно подметил сам же Пропп: «Как воин он [Волх. – *В.Е.*], однако, совершенно не похож на воинов позднейшего русского эпоса – на Илью, Добрыню, Алешу… Русский эпос знает и признает для своих героев только один вид войн – войны справедливые, войны, целью которых служит защита родины от нападения врага… Волх первоначально совершал набег с совершенно иными целями: поход Волха был чисто хищнический». Аналогично деятельность Олега в ПВЛ – тоже сплошное хищничество: походы, захват городов и примучивание, обложению данью соседних племен и народов. «Биография» Вещего Олега в ПВЛ как бы дублирует «биографию» Старого Игоря, а сюжет былины о Вольге отражает особенности деятельности как Игоря, в частности вероломность агрессии против Индейского царства подобно игореву нападению на Самкерц, так и Святослава на Хазарский каганат, поскольку первоначально в былине Индейское царство и было царством Иудейским, то есть Хазарией. На то она и собирательность фольклорных образов. Эта

собирательность служит причиной того, что (вновь цитирую В. Проппа): «Враг, на которого надвигается Волх, не имеет определенного исторического лица». Действительно, на кого только не нападали исподтишка за долгую историю викинга всякого рода скандинавские морские конунги, равно как и их собратья русские ольги!

Смутный абрис династа

На тых горах высокиих,
на той на Святой Горы,
был богатырь чудный.
Не ездил он на святую Русь…

Былина о Святогоре,
сказитель П. Калинин

Первый в череде правителей Руси по Илариону, то есть основатель династии, Игорь Старый во всех отечественных энциклопедиях представлен как «Игорь Рюрикович, великий князь киевский». Ситуация такая же гротескная, как и с Вещим Олегом. На деле Игорь не был ни Рюриковичем, ни великим князем, ни киевлянином.

О жизни и деятельности «великого киевского князя-Рюриковича» ПВЛ нам поведала совсем мало. Похоже, подобно Илариону авторы ПВЛ извлекали крохи информации об Игоре из доступных греческих хроник, натужно дополняя их собственными фантазиями. Весьма в этом плане показательные первые «летописные» сообщения об Игоре сто́ит процитировать полностью, благо, они не отличаются пространностью. Однако достойны внимательного и вдумчивого прочтения.

«В год 913. После Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега».

«В год 914. Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся восвояси».

«В год 915. Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, попленяя Фракию; греки же послали за печенегами».

Вдумчивое прочтение этой «летописи» не может не оставить впечатления, что авторы ПВЛ ничего не знали о действительном начале жизнедеятельности «Рюриковича» и нашли, отдадим им должное, оригинальный выход, поставив выдуманные «события» начальной биографии Игоря в соответствие аналогичным реальным событиям примерно того же времени в византийских хрониках и привязав свою хронологию к их датировкам. То есть попросту в имеющиеся погодные статьи перевода византийской хроники сделали собственные приписки. В результате Игорь начинает княжить в год воцарения Константина Багрянородного; поход на древлян случается одновременно с походом Симеона на Константинополь; печенеги приходят на русскую землю заодно с их появлением вблизи границ Византии; Игорь заключает с ними мир в тот же момент, когда греки их привлекают в качестве союзников для отражения нападения болгар. Ну, не поразительны ли параллелизм и синхронизм истории игоревой руси и Византии?!

Эти параллелизм и синхронизм сопровождают Игоря до самой его смерти, которую ПВЛ датирует 945 годом. Однако, как справедливо подмечает С. Цветков, «в действительности 945 г. – это всего лишь дата окончания правления Романа I Лакапина (свергнутого в декабре 944 г.)… К слову сказать, смерть вещего Олега (912 г.) точно таким же образом приурочена в летописи к окончанию правления Льва VI. Получается, что летописец, не располагая подлинными данными смерти первых русских князей, «хоронил» их вместе с византийскими императорами, чьими современниками они являлись по русско-византийским договорам».

То есть, совершенно очевидно, что «биографии» Вещего Олега и Игоря в ПВЛ – это сплошь выдумки. Но самое, на мой взгляд, во всем этом поразительное то, что историки, включая только что процитированного Цветкова, несмотря на такие откровенные признания, продолжают строить свои фантастические концепции истории Киевской Руси на основании этих выдумок сочинителей ПВЛ, выборочно извлекая и как бы принимая за чистую монету все то, что так или иначе укладывается в русло этих концепций, но без зазрения совести игнорируя и даже пороча все то, что им противоречит!

Однако продолжим обзор прижизненных событий параллельной истории игоревой Руси и Византии, которые мы прервали на 915 годе. Далее в ПВЛ следует пропуск в четыре года, поскольку об этом периоде молчат доступные сочинителям ПВЛ переводы византийских хроник, а затем ремарка в прежнем духе «параллельной истории»:

«В год 920. У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов».

Воевал ли Игорь против печенегов? Бог весть. Вполне мог и повоевать, ведь, как мы помним, его «военно-морская база» находилась где-то в Крыму, а Северное Причерноморье в то время действительно было наводнено печенегами, которые активно включились в местные политические разборки, затронувшие греков с болгарами и, вполне возможно, крымскую базу ольга Игоря. Ну, запамятовали сочинители ПВЛ, что в предыдущем параграфе они заключили между печенегами и Игорем мир. Бывает. А может быть, Игорь коварно нарушил договор с соседями? Может. Что взять с самодура (Самкерц тому примером)? Да и какая нам разница? Интересно другое.

Авторы ПВЛ, изобретя мнимый конфликт Игоря с печенегами, полностью замолчали его действительную войну с Хазарией. Скорее всего не по злому умыслу, а просто потому, что ничего о ней не ведали – та не нашла отражения в имевшихся в их распоряжении византийских документах. Разумеется, о «Кембриджском анониме», который пролил крохи света на эту войну, они ничего не знали и знать не могли. Зато нашедший свое место в ПВЛ конфликт Игоря с печенегами, действительный или выдуманный, вновь, как и во всех предыдущих случаях, приурочен к событию из византийской истории, конкретно к смене царствующей персоны. Возможно таким образом авторы ПВЛ, не знавшие о хазарских злоключениях Игоря и истинные побудительные причины, заставившие его очертя голову ринуться в византийскую авантюру, хотели объяснить эту неспровоцированную с их точки зрения агрессию руси предварительной размолвкой с союзниками Византии печенегами.

Далее в ПВЛ следует двадцать один (!!!) год полного забвения героя. Неужели Игорь подобно Илье Муромцу пролежал два с лишним десятка лет на печке? Вряд ли. Просто авторам ПВЛ не попалось в византийских документах ничего, что можно было бы сопоставить с гипотетической деятельностью первого «Рюриковича». Повествование продолжается только в статье 941 года пиратским рейдом Игоря в византийскую Вифинию. Но на самом деле это не продолжение, это начало. Именно отсюда начинается настоящая история ольга Игоря, потому что, как я уже однажды обращал внимание читателя на сей поразительный факт[34], изложение событий этого нападения в ПВЛ явно ведется не с русской, а с греческой стороны. То есть мы наконец имеем дело не с фантазиями сочинителей ПВЛ, пусть даже белыми нитками пришитыми к византийской хронологии, не с какими-то гипотетическими и вряд ли существовавшими «отечественными архивами», а с реальными греческими хрониками, свидетельствующими о связанных с Игорем событиях, откуда в ПВЛ добросовестно переписаны имена противостоявших Игорю византийских военачальников, подробно описаны их маневры и указана точная численность участвовавших в баталиях византийских войск. Зато нет ни слова (!) о войске руси и его предводителях! Вот такая она «отечествен-

[34] См. «Читая «Повесть временных лет»» *(В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

ная летопись», «образец всероссийского летописания». И чего, спрашивается, сто́ит отечественная древняя история, если все наши летописи написаны по этому образцу?!

Попутно можно заметить, что в тексте договора Игоря с Константинополем, в отличие от договора «Олега» 911 года, нет даты его подписания. ПВЛ датирует договор 945 годом, чему не верят даже лояльные к ПВЛ историки, так как якобы подписавший договор с византийской стороны император Роман Лакапин был отстранен от власти сыновьями годом раньше и, следовательно, в 945 году не мог подписывать какие-либо договоры. Поэтому в нашей исторической литературе иногда принято относить этот договор к 944 году. Но и эта дата ничуть не более достоверна, чем приведенная в ПВЛ. Поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться общепринятой летописной датировки, держа в уме ее условность.

Описав военные действия по византийским источникам и приведя копию (к сожалению, не нотариально заверенную) текста договора, авторы ПВЛ вновь начали напихивать в нее отсебятину. В порядке компенсации провального рейда 941 года и для реабилитации Игоря они выдумали повторный поход на Константинополь в 944 году. Впрочем, для поднаторевших в сочинении «параллельной истории» Руси и Византии наших «летописцев» ничего особенно выдумывать нужды не было. Достаточно было повторить годом позже запись за 943 год: «Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились восвояси», – привычно заменив угров византийской хроники игоревой русью[35]. Совершив эту несложную подмену, сочинители ПВЛ больше ничем не смогли содержательно наполнить вымышленное ими событие, претендующее на то, чтобы быть исторически значимым. Потому в ПВЛ второй поход Игоря как таковой в конечном счете вроде бы состоялся, а вроде бы и нет; он не отмечен никакой конкретикой и закончился тоже ничем – византийцы якобы откупились. Может быть именно этот год на самом деле ознаменовался подписанием нового договора между Русью и Византией, но, разумеется, без всяких новых военных действий или приготовлений к ним.

Что ж, на нет и суда не было бы, кабы авторы ПВЛ со своими неуклюжими выдумками раз за разом не садились в лужу. В статье 945 года они явно перестарались с выдумыванием антуража: «Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: ««Идут русские и наняли себе печенегов»». А чуть ниже: «Игорь… повелел печенегам воевать болгарскую землю». Даже в своей собственной выдумке авторы ПВЛ не смогли толком свести концы с концами, так и не определив для себя характер взаимоотношений Игоря с печенегами. Ранее он с ними воюет сразу после заключения мира, а теперь «нанимает», что предполагает равноправный характер отношений суверенных сторон, но тут же им «повелевает» как подчиненным и зависимым. Кстати вновь о «параллельной истории» Руси и Византии. Как раз в это же самое время греки нанимали печенегов, чтобы те, нападая с тыла на венгров, ослабили бы усилившееся давление тех на северные границы Византии.

Еще одна глубокая лужа расплескивается уседними местами авторов ПВЛ в связи с выдуманным победным походом 944 года, когда неожиданно выясняется, что дружина Игоря голодна, раздета и разута. И это всего-то через год после якобы получения огромной контрибуции от Византии!

Нельзя не обратить внимания на существенный момент в приведенной выше цитате из ПВЛ. О приближении флота Игоря Константинополь извещают сначала херсонцы, а затем болгары. Значит, маршрут движения флота руси проходил вдоль северного черноморского побережья сначала мимо Херсона, а потом вдоль берегов Болгарии, то есть никак не из Киева, а от Керченского пролива, где была вероятная «военно-морская база» Игоря и где он

[35] Любопытно завершение этой статьи ПВЛ за 944 год. Вместо слов «возвратились восвояси» записи 943 года здесь видим: «взял дань, и пошел в свои города». По сути тоже восвояси, но не в Киев однако!

уже успел нашкодить в Самкерце. Значит, авторы ПВЛ все-таки знали, что на самом деле Игорь предпринимал свои походы не из Киева, а из восточного Крыма? Наверняка знали, не могли не знать, раз написали такое вопреки собственной выдуманной киевоцентрической истории древней Руси, но тем не менее в соответствии с этой историей, выдуманными родословием «Рюриковичей» и сценарием их правления упорно запихивали бедолагу Игоря в Киев и в великие киевские князья.

В «Слове о законе и благодати» Илариона, самом древнем дошедшем до нас объемном письменном памятнике Киевской Руси, имя Игоря сразу появляется в уже привычной для нас форме, которая представляет собой транслитерацию его греческого написания Ἰγγωρ, игнорирующую реальное произношение в среднегреческом языке с носовым ***н****: Ингор*. Наиболее естественно этот феномен объясняется тем, что имя было механически перенесено в «Слово о законе и благодати» из какого-то греческого текста, переведенного переводчиком, знавшим византийский греческий лишь «по-письменному». Во время Ярослава Мудрого и Илариона таковыми были практически все монахи-переводчики, многочисленные благодаря увлеченности Ярослава греческой книжной премудростью, но лишь наскоро обученные письменному переводу, никогда в жизни не бывавшие в Греции и никогда не видевшие и не слышавшие живых греков.

На норманистском фланге современной российской исторической науки, в наше время численно преобладающем, весьма распространено мнение, что действительным именем Игоря было скандинавское «Ингвар» (Yngvarr). Но тогда, будь это имя знакомо Илариону в своем оригинальном скандинавском **произношении**, в «Слове о законе и благодати» оно должно было бы появиться в форме «Ингвар» или «Ягвар». Имеющаяся же там форма «Игорь» могла родиться только как **транслитерация греческого написания**, и это вновь косвенно свидетельствует о том, что **местная киевская традиция ничего не знала об игоре**, что **киевлянин иларион никогда не слышал его имени в произношении самих представителей «рода русского»**, но узнал его только из византийских документов, откуда имя и было им позаимствовано и добросовестно, в прямом смысле буквально, то есть побуквенно, скопировано. Отсутствию памяти об Игоре в местной киевской традиции вполне соответствует и предельная краткость упоминания Иларионом деда восхваляемого им крестителя Руси.

Советский фольклорист В. Пропп как-то заметил: «К наиболее древним героям русского эпоса мы должны причислить также Святогора. В отличие от Волха, образ которого забыт и о котором имеется не более 4 – 5 полных записей песен о его походе, имя Святогора в эпосе чрезвычайно популярно, хотя его образ также заметно стерся», из чего Пропп делает логичный вывод, что Святогор чуть моложе Волха, но древнее богатырей киевского цикла. Вероятно основываясь на этом замечании Проппа, другой исследователь русских былин С. Горюнков выдвинул весьма любопытную гипотезу о том, что историческим прототипом былинного богатыря Святогора был Игорь Старый[36]. Исходя из варианта его имени «Святигор» в самых ранних северных былинах, Горюнков предположил, что оно производно от исходного «свят-Игорь». Приняв гипотезу Горюнкова и разматывая этимологическую цепочку против вектора времени, можно заменить более позднее славянское «свят» на предшествовавший ему скандинавский эквивалент helgi, более подходящий «шведскому кагану» с именем «Ингвар». Полученный таким образом гипотетический helgi Yngvarr после естественной славянизации на киевской почве должен был в полном соответствии с законами лингвистики, слегка подправленными формальной транслитерацией Илариона, превратиться в **ольга игоря**, где «ольг», уже по нашей гипотезе, – титул верховных властителей

[36] *С. Горюнков.* Незнакомая Древняя Русь, или Как изучать язык былин. СПб., 2010.

руси того периода. Затем сочинители ПВЛ превратили этого ольга Игоря начальной руси в великого князя Киевской Руси Игоря Рюриковича.

Если гипотеза Горюнкова верна, то необычайно важен тот факт, что былины о Святогоре не входят в так называемый киевский цикл. Былинный Святогор бродит в поисках приключений в неведомых далеких Святых Горах, то есть изначально в «ольгиных» горах (в Крыму, на Кавказе?) и вообще никаким боком не касается Киева. Но, тем не менее, наследником его богатырской силы и боевой славы становится один из главных героев былин киевского цикла Илья Муромец. Проецируя этот парадокс на реальных правителей древней Руси, можно додумывать, что ольг Игорь сам по себе не имел отношения к Киеву, то есть никогда не был вопреки всем учебникам и энциклопедиям «великим киевским князем». Оттого и никак не могут найти археологи, даже самые ангажированные украинские, «город Игоря» в киевской земле. Тем не менее, если верить былинам и принять гипотезу С. Горюнкова, каким-то образом деятельность Игоря способствовала возвышению именно Киева как столицы будущей Киевской Руси. Такое предположение хорошо согласуется по времени с двумя достоверно известными фактами истории начальной руси. Во-первых, со страшной катастрофой черноморской руси на рубеже 30-х и 40-х годов X века вследствие двух подряд тяжелейших поражений Игоря от хазар и греков, катастрофой, которая лишила крымскую русь всех ее черноморских баз и заставила искать альтернативу в Северном Причерноморье и Среднем Поднепровье. Во-вторых, с выводом независимых зарубежных археологов о том, что Киев приобрел черты столичного города только с середины X века при преемнице Игоря Ольге (ольге Прекрасе?), а столицей Руси стал только в конце века при ее внуке Владимире.

Для полноты картины надо сказать, что Ингвар – не единственный возможный вариант настоящего имени Игоря. Лиутпранд дает несколько отличающий спеллинг Inger, который, однако, все равно имеет носовое ***и*** и в славянской передаче должно было дать не «Игоря», а «Ягера», с возможным последующим превращением народной речью в «Егора». Помимо возможного следа в современном русском языке в виде имени «Егор» вариант «Ингер» интересен своими этимологиями. Наиболее вероятной выглядит древнескандинавское ynger – «младший», и тогда в случае Игоря речь идет не об имени, а скорее о прозвище-эпитете. Это прозвище могло бы объяснить две загадки биографии Игоря. Во-первых, оно само по себе предполагает наличие хотя бы одного старшего брата и, как следствие, тех самых племянников, которых мы видим в договоре Игоря с Византией в статье 945 года ПВЛ. Во-вторых, если Игорь – младший сын какого-то правителя варяжской руси, то в соответствии со средневековыми скандинавскими феодальными традициями он по достижении совершеннолетия должен был уйти в викинг, оставив наследственный феод[37] старшему брату. Как явствует из «Кембриджского анонима», именно это Игорь и делает, в лучших традициях морских конунгов начав свою достоверно нам известную биографию нападением с моря на хазарский Самкерц, которое возымело вынужденное продолжение в византийской Вифинии.

Стоит упомянуть и еще одну этимологию имени Ингер, возводимого к unger в значении «венгр» («угр»). Эта, хотя и менее вероятная, этимология имеет свои достоинства: она объясняет иначе трудно объяснимую тесную связь сына Игоря Святослава с Венгрией. Венгры – постоянные союзники Святослава в его крупных военных предприятиях. В. Татищев называет первой женой Святослава «угорскую княжну», а первую жену зачастую выбирают сыну родители. Наконец, перечисляя земли, с которых он предполагает кормиться, обосновавшись на Дунае (то есть, по существу, очерчивая свою будущую большую гарду), Святослав, если верить ПВЛ, в числе первых называет Венгрию и лишь в последнюю очередь Русь.

Наверное можно найти иные этимологические объяснения имени Игоря. Удаление из истории Древней Руси мифического и совершенно не нужного ей Рюрика дает неограничен-

[37] По-древнескандинавски ódal, откуда, возможно, древнерусское «удел».

ный простор версиям о возможном происхождении не только имени первого реально известного правителя Руси, но и его самогó. Ведь на самом деле нам не известны ни родители Игоря (в некоторых былинах вскользь упоминается слепой богатырь, отец Святогора), ни место его рождения, ни его биография до момента, когда он вероломно захватывает хазарский Самкерц. Можно лишь догадываться о существовании у него каких-то братьев, так как в договоре Игоря с Византией фигурируют его племянники, причем один из них – его тезка. Кстати, возможно именно наличие документально зафиксированного тезки-племянника заставило Илариона во избежание недоразумений назвать основоположника династии владык Руси «старым» Игорем.

Вот так выясняется, что династ Игорь – это всего лишь некий размытый абрис, грубый набросок основоположника династии русских властителей, еле-еле прорисовывающийся на строчках редких дошедших до нас византийских документов. Впрочем, смутность образа объясняет былина: «не ездил Святогор на Святую Русь». Не был Игорь на Святой, то есть Киевской, Руси. Не был! Хотя и династ. Да и династ ли?

Три мести Святослава

Мое ремесло – возмездие,
мой промысел – месть.

Ф. Шиллер. «Разбойники»

Княгиня Ольга – из числа самых противоречивых персонажей истории Древней Руси. С одной стороны, воспетая ПВЛ как великая и мудрая правительница, она была причислена православной церковью к лику святых в самом высоком равноапостольном ранге. С другой стороны, оставшись в народной памяти змеей и потаскухой, удостоилась выразительного эпитета «кровавая».

По версии ПВЛ Ольга – единственная жена Игоря Старого, жена настолько любящая мужа и преданная ему, что после гибели дорогого супруга буквально воспылала неутолимой жаждой мести и принялась методично и жестоко наказывать виновников его смерти. А заодно и их безвинных соплеменников. Утолив эту жажду реками крови, взрастила единственного сына Святослава и успешно правила Киевской Русью в качестве регентши при малолетнем наследнике. В ПВЛ Ольга – первая устроительница Киевской Руси, положившая начало государственному устройству и каменному строительству в Киеве, первая правительница, принявшая христианство и крещенная непосредственно в Константинополе самим императором и благословленная самим патриархом. Образ мудрой княгини и достойной преемницы княжеской власти как нельзя лучше соответствует статусу равноапостольной святой, поэтому ничего иного и нельзя было ожидать от авторов и правщиков ПВЛ с учетом канонизации Ольги православной церковью.

На деле эта «официальная» биография «великой княгини» такая же липовая и анекдотичная, как и биография ее супруга. Начинается все с самого начала, с рождения, с того, что у Ольги сразу несколько малых родин. В ПВЛ она безродная псковитянка. В других наших летописях она то дочь Вещего Олега, то болгарская княжна, то знатная изборчанка из рода Гостомысла. В довершение житие св. Ольги дополняет этот и так не короткий список селением Выбуты, а происхождение «варяжским», но незнатным. Выбирай, что больше нравится. Если место рождения «княгини» знают все, хотя все эти места разные, то даты рождения не знает никто. ПВЛ выдает Ольгу замуж за Игоря в 903 году, но единственного их сына Святослава дает ей возможность произвести на свет только в 942 году, то есть минимум на пятом, а то и шестом десятке лет. Свадьба и рождение наследника происходят, естественно, в Киеве. Вот только любимый наследник почему-то упорно не желает жить в своей большой и прекрасной столице с отстроенным матерью каменным дворцом (следов которого, правда, археологи почему-то так и не нашли) и править взлелеянной родителями великой вотчиной – Киевской Русью. Вместо этого он упорно мотается по белу свету и рассылает соседям гонцов с размноженными под копирку грамотами, в которых грозно начертано «Иду, такие-рассякие, на вы!». Кстати, интересный вопрос: как и на каком языке писал Святослав эти грамоты? Уж не «Ивановым» ли написанием? И не звучало ли на самом деле это грозное предупреждение по-древнескандинавски как славный боевой клич викингов: Ver sik – ek kom! То есть, «Берегись – я иду!»?

Греческий хронист Скилица вроде бы признает Ольгу женой Игоря: «И жена некогда отправившегося в плаванье против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер ее муж, прибыла в Константинополь…» Очень похоже на супружескую пару Игорь и Ольга в ПВЛ. Но это было написано Скилицей, современником Владимира Мономаха, на рубеже XI

– XII веков, когда генеалогия Илариона уже была узаконена и зафиксирована в начальных версиях киевских летописей. А вот современник и главное непосредственно действующее лицо того самого посещения Константинополя «архонтиссой Эльгой», Константин Багрянородный, описывая тот визит в своем трактате «О церемониях византийского двора», ни словом не обмолвился о муже, хотя бы и бывшем, посетившей его архонтиссы. Хотя о существовании некого «архонта Росии Ингора» знал. Может быть про ольгиного мужа императору говорить было не с руки потому, что (неужели здесь ПВЛ для разнообразия не соврала?) он и в самом деле поимел на нее какие-то виды? Зато, не затрагивая скользкую тему былого замужества архонтиссы, Константин упоминает при ней некого *анепсия* (’ανεψιος), который в общеизвестном переводе труда «О церемониях…» на русский язык почему-то трактуется как «племянник», хотя словарь древнегреческого языка дает для этого слова перевод «двоюродный брат» или более общее «родственник», а для «племянника» – совсем другое слово ’αδελφιδεος. Как тут не вспомнить путаницу с родством в переводе другого труда Константина «Об управлении империей», в котором переводчики представляют Святослава то сыном, то братом Игоря!

ПВЛ демонстративно проигнорировала родственников Игоря и Ольги, но пара племянников Игоря ненароком «засветились» в тексте его договора с византийцами, так что в появлении племянника архонтиссы в русской делегации вроде бы нет ничего неожиданного. Вот только почему-то этот странный племянник появляется безымянным и без собственной свиты. Между тем, судя по размеру полученных им денежных подачек от императора, его статус был очень высоким и уступал лишь статусу самой Ольги. На прием Ольга явилась со свитой из восьми «людей», не считая толпы сопровождавших ее женщин и прислуги; собственную свиту из нескольких «людей» имел посол; наконец, в делегации были «люди» Святослава, но… не было его самогó. И, что парадоксально, в многочисленной русской делегации совершенно нет «людей» таинственного *анепсия*.

Вот такая несуразица: в делегации нет сына архонтиссы Святослава, но есть его свита; зато есть какой-то безымянный высокопоставленный *анепсий*, но почему-то без свиты. Просто удивительно, что в комментариях к труду Багрянородного лишенный имени *анепсий* до сих пор не отождествлен с лишенным свиты Святославом несмотря на давно высказанное советским историком В. Пашуто предположение, что Святослав скрывался под видом этого *анепсия*. А ведь такое отождествление прямо-таки напрашивается и худо-бедно сводит концы с концами, особенно если учесть обоснованные предположения историков, что одной из важнейших целей визита Ольги в Константинополь было сватовство Святослава за какую-нибудь императорскую родственницу. В таком случае совершенно непонятно и необъяснимо отсутствие в делегации жениха. Впрочем, так же непонятна скрытность, которую приписывает потенциальному жениху Пашуто. Тем не менее, предположение, что Святослав все-таки присутствует в делегации в естественном для него ранге второго лица и с полагающейся ему свитой, напрашивается само собой. При напрашивающемся отождествлении *анепсия* со Святославом *анепсий* получает имя, а Святослав – свиту. Вот только назван Святослав Багрянородным не сыном, а то ли племянником, то ли двоюродным братом Ольги в зависимости от того, как понимать *анепсия*. Но в любом случае не сыном. Что это? Ошибка? Если ошибка, то чья? А если не ошибка, то что из нее следует?

Итак, еще раз для ясности, в чем закавыка. По версии ПВЛ: у Игоря и его супруги Ольги был их общий единственный сын Святослав. По Багрянородному: у архонта Руси Игоря был то ли сын, то ли брат Святослав, а у русской архонтиссы Ольги – то ли племянник, то ли двоюродный брат, то ли просто родственник Святослав. При таком множестве вариантов прочтения Багрянородного эта закавыка может иметь соответственно множество толкований.

Во-первых, у супругов Игоря и Ольги могли быть сын Святослав и племянник Святослав, то есть существовали двоюродные братья-тезки Святославы подобно двум тезкам

Игорям, дяде и племяннику. Но если два Игоря фигурируют в каком-никаком официальном документе, то насчет двух Святославов вообще никаких зацепок, ни в ПВЛ, ни в византийских хрониках. Если все же допустить, что Святославов было двое, то женить в Константинополе Ольга намеревалась не сына, а племянника. Однако тот оказался патологическим неудачником: с женитьбой у него не выгорело, а там и сам куда-то бесследно сгинул. Впрочем, как и вся многочисленная родня его дяди-бедолаги Игоря.

Во-вторых, Святослав мог быть младшим братом Игоря, если таинственный *анепсий* мог означать у византийцев деверя.

В-третьих, Святослав мог быть сыном Игоря, но племянником Ольги, если Игорь и Ольга были не мужем и женой, а братом и сестрой. Это совсем не невозможно. По крайней мере, в таких вопросах мы не обязаны слепо верить ПВЛ, которая изобретала фиктивные персонажи, не то что фиктивные браки. Здесь все зависит от того, откуда черпал информацию Скилица. Но этого мы тоже не знаем и вряд ли узнаем.

Четвертое возможное объяснение закавыки – понимать *анепсия* не как племянника и не как деверя, а как пасынка. Допустимо ли такое понимание, должны решить специалисты в среднегреческом языке. Для сравнения, тем не менее, стоит отметить, что в древнерусском языке, снявшем немало калек с греческого, слова «племянник», то есть этимологически «член племени», и «родственник», то есть «член рода», были практически синонимами. Относительно же среднегреческого на мой дилетантский взгляд зацепка может быть в том, что для пасынка, похоже, у греков не было специального слова, вследствие чего использовалось более общее *прогон* (προγονος) – «старший ребенок» и «дитя от первого брака», то есть пасынок или падчерица, но также «прародитель, предок». Не могли ли в каких-то случаях греки во избежание недоразумений заменять *прогона анепсием*, то есть словом, имевшим значение «родственник», именно в смысле пасынка? Но, оставив кесарю кесарево, то есть лингвистам лингвистические проблемы, взглянем на вопрос по-житейски: могла ли Ольга быть сестрой Игоря, и мог ли Святослав быть деверем или пасынком Ольги?

Ольга могла быть сестрой Игоря. Объективно этому ничто не препятствует кроме голословных утверждений авторов ПВЛ, возможно, продублированных Скилицей. Ведь мы ничего не знаем об их действительном происхождении. Есть только одна очень тонкая ниточка: новгородские летописи ведут родословные обоих супругов к Гостомыслу, то есть Игорь и Ольга в новгородской традиции как минимум кровные родственники, вопрос только в степени родства. Это родство могло быть самым близким, если Ольга была одновременно и сестрой и женой Игоря. Такого рода пережитки эндогамии считались в языческом обществе не только допустимыми, но иногда и предпочтительными внутри правящих кланов. Судя по былинам, в частности былинам о Соловье Разбойнике, который женил своих сыновей исключительно на своих же дочерях, в языческой Руси[38] такая форма инцеста была нормальным явлением. Кроме того, сестринское родство в какой-то мере объясняет феномен перехода верховного правления от Игоря к Ольге: власть наследовала не столько жена мужу, явление для начальной руси уникальное, сколько сестра брату в соответствии с лествичным правом.

Святослав мог быть младшим братом Игоря и, тем самым, приходиться Ольге деверем. Такое родство объясняет откровенно враждебные отношения между Ольгой и Святославом, так как первая откровенно отстранила от власти ее законного соответственно лествичному праву наследника. Однако нельзя забывать, что византийцы довольно последовательно называют Святослава сыном Игоря.

---

[38] По С. Горюнкову, постоянный эпитет Соловья «разбойник» сопоставим с «раскольником» (синонимичная пара «разбить» и «расколоть»), то есть отвергающим официальную веру, что для былинного времени эквивалентно язычнику. Собственно слово «язычник» появилось в русском языке относительно поздно.

Святослав мог быть пасынком Ольги. Трудно, очень трудно поверить, что у Игоря была одна единственная жена и один-единственный сын-наследник. Слишком это противоречит царившим в те времена нравам. Как правило, языческие властители имели по нескольку жен и наложниц, а потомство плодили десятками. В этом плане их нравы хорошо видны на примере князей великого княжества Литовского, дольше других застрявших в язычестве и тем самым давших возможность хронистам задокументировать эти нравы. Так, у Гедимина только от трех «официальных» жен было 13 детей, а Ольгерд и вовсе наплодил их целых два десятка. Да к чему примеры и параллели? Достаточно почитать записки Ибн Фадлана о порядках при дворе «царя руси» начала X века, то есть как раз во время Игоря Старого[39].

Согласно Ибн Фадлану, правитель руси имел ни много ни мало сорок наложниц! Это, надо полагать, помимо жен. Да и та же ПВЛ признает в отношении жившего чуть позже св. Владимира Крестителя, что «был он такой же женолюбец, как и Соломон» и имел дюжину сыновей от нескольких жен. Это, надо полагать, помимо наложниц. А вот в отношении его деда ПВЛ нам пудрит мозги, дескать, была у Игоря всего одна-единственная женушка с одним единственным сынком? Ха-ха! Скорее поверим замечанию Иоакимовской летописи, что «были у Игоря потом другие жены…», понимающе улыбнувшись на дипломатичное «потом» Иоакима: о каком «потом» может быть речь, если Ольга намного пережила мужа. Многоженство Игоря фактически подтверждает Константин Багрянородный своим описанием посещения Константинополя «архонтиссой Эльгой», но об этом разговор впереди. Как бы то ни было, а на основании этой или других одному ему известных посылок В. Татищев предполагал наличие у Святослава младшего брата Глеба. То есть Игорь отнюдь не ограничил себя единственным наследником.

[39] Например, см. «Читая Ибн Фадлана» *(В. Егоров.* У истоков Руси: меж варягом и греком. М., 2010)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.